Бабушкин внук и его братья

Автор:
Владислав Крапивин

Бабушкин внук и его братья

Владислав Петрович Крапивин

Семья Альки живет в небольшом провинциальном городе. Жестокость и равнодушие взрослых обескураживают мальчика, вызывая в его сердце протест. Но Альке недостаточно отгородиться от этого "«озверелого мира» (ОЗМа, как он его про себя окрестил). Со всей страстью чистой души мальчик ищет Дорогу, которая способна вывести его туда, где царит справедливость.

На пути к мечте Алька обретает верных друзей – братьев по духу, и это укрепляет его веру в способность изменить мир к лучшему.

Для среднего и старшего школьного возраста.

Повесть была написана в 1996 году и с тех пор неоднократно переиздавалась.

Владислав Крапивин

Бабушкин внук и его братья

Ты каждый раз, ложась в постель,

Смотри во тьму окна

И помни, что метет метель

И что идет война.

С.Маршак. Зимний плакат. 1941.

ДОСКА НА СЕДЬМОМ ЭТАЖЕ

Когда я родился, бабушка хотела, чтобы меня назвали Алешей. Но это было никак нельзя. Мама и отец решили, что я буду Александром. И я стал Сашей.

Но бабушка, если мы были одни, часто называла меня Аликом. Алик ведь может быть и Александром, и Алексеем – одинаково…

И в летнем лагере меня стали звать Алькой. Услышали, как бабушка, когда она приезжалаодительский день, называла меня так, и многие это подхватили. Может, потому, что и без меня в отряде было восемь Саш, Сань и Шуриков.

Я не спорил. Мне и самому это нравилось.

И ребята нравились. И лагерь. Здесь было совсем не то, что в школе.

Можете считать меня кем угодно: злодеем, психом, садистом, но я понимаю тех молодых солдат, которые вдруг хватают автомат и – веером по своим обидчикам. По всей этой дембельской и дедовской сволочи, которая издевается над первогодками. Над теми, кто слабее.

Потому что я знаю по себе, как могут довести человека. И не в какой-нибудь там казарме, а в нашей замечательной школе-гимназии номер шесть – такой английской и такой джентльменской, такой музыкальной и такой танцевальной, такой знаменитой на весь город…

Первые три класса я проучился там нормально. Крепких друзей не завел, но и не приставал ко мне никто. Четвертого класса, как нынче водится, в гимназии не было, после начальной школы – сразу в пятый. В этом пятом люди оказались уже не те, что прежде, появилось много новеньких. Среди них – Мишка Лыков, которого все почему-то звали Лыкунчиком. Говорили, что папаша Лыкунчика

ворочает делами в каком-то банке. Не знаю. Дорогими игрушками Лыкунчик не хвастался, в гимназию приезжал не на папиной машине, а на трамвае. И богатыми шмотками не выделялся.

Выделялся он другим – подлым характером. Любил повыделываться перед тем, кто не может дать сдачи. Самым таким неумеющим в классе оказался я. Потому что по натуре своей я – трус, никуда не денешься.

Лыкунчик это почуял быстро.

У него была компания приятелей, человек пять. Вот с ними-то он и начал меня изводить. А остальные помалкивали.

Изводили подло. Бить почти не били, только изредка дадут по шее или поваляют в сугробе. Но все эти щипки и тычки, подначки, дразнилки… Соберутся вокруг и давай припевать:

Милый мальчик, съешь конфетку

И утрись скорей салфеткой… -

и тряпкой, которой вытирают доску, по губам…

Потом деньги стали с меня трясти. Ну, я один раз отдал, сколько было:

– Подавитесь, только не лезьте!

Но они снова. Тогда я не выдержал, рассказал дома.

Бабушка пошла к нашей директорше. Лыкунчика и его друзей поругали. Даже папашу Лыкова вызывали, и был слух, что он дома Лыкунчику крепко врезал. Больше эта шайка денег с меня не требовала. Но изводить меня они стали еще пуще. То дымовуху мне в парту сунут, а потом вопят, что я сам принес. То в спортивной раздевалке одежду спрячут или брюки завяжут тугими узлами. То

обступят на улице и опять:

Милый мальчик, съешь сосиску,

А не то отрежем …

И это на весь квартал.

Я старался уходить из школы крадучись, выбирал окольные переулки, чтобы не заметили, не догнали. А для них это – новая забава. Охота. Выслеживали и гонялись. А я убегал…

А что делать-то? Если бы честная драка, один на один, я бы как-нибудь скрутил свою боязливость. Но ведь их целая свора.

У Лыкунчика было круглое лицо и серые глаза с длинными, будто кукольными ресницами. Если не знать, то можно подумать: вполне нормальный пацан, славный такой.

Но я-то знал, какой он “нормальный”. Ох и ненавидел же я его! И всех его “шестерок”. И появись у меня автомат, я бы не дрогнул.

Так, по крайней мере, я думал тогда.

Автомат у меня, конечно, не появился. Говорят, на черном рынке можно добыть, но стоит это полтора миллиона. Я бы, наверно, не пожалел, но где возьмешь такие деньги? Да и не продадут мальчишке.

Но все же судьба сделала мне подарок. Не хуже автомата. Однажды, в начале апреля, они опять стаей погнались за мной.

Милый мальчик, съешь сосиску,

А не то …

И я бежал, всхлипывал и задыхался, а рюкзак с учебниками колотил меня по спине. И я думал, что скорее сдохну, чем завтра опять пойду в гимназию. Но до завтра надо было еще дожить. Я бежал к своему кварталу. И решил – напрямик через площадку, где стоит недостроенная кирпичная многоэтажка. А там до родного дома рукой подать.

Я оглянулся. Лыкунчик далеко опередил своих дружков. Те постепенно замедляли бег, а Лыкунчик мчался, как гончий пес. Видимо, гнал его повышенный охотничий азарт. Если догонит, то один…

И здесь на бегу обожгла меня (или наоборот – холодом обдала!) убийственная мысль. Я испугался ее отчаянно и в то же время – подчинился ей. Сразу!

В недостроенном корпусе мы с ребятами из нашего двора играли не раз. Работы были там остановлены, забор вокруг повален, сторожей – никаких, лазай кому не лень. И я знал, что на седьмом этаже есть доска. Толстая, широкая, перекинутая через верх квадратной кирпичной шахты. Шахта эта была пустой сверху донизу. Этакий широченный колодец, уходящий в подвальную глубину. Зачем она, мы не знали. Может, в ней собирались смонтировать грузовой лифт или какой-нибудь эскалатор. Говорили, что в этом доме собираются устроить почту.

Мы с мальчишками иногда ложились животами на кирпичное ограждение, смотрели в квадратную черноту и вскрикивали:

– Эй!..

В глубине отзывалось ленивое эхо.

Зачем через шахту перекинули доску, тоже никто не знал. Может, по ней с края на край перетаскивали какой-то груз, например, носилки с цементом или кирпичи. Но она была не закреплена. Просто лежала концами на барьере – он поднимался над полом седьмого этажа на полметра.

Однажды Семка Расковалов (тоже пятиклассник, но из другой школы) потрогал край доски и задумчиво так сказал:

– Интересно, есть на свете человек, который мог бы пройти по ней?

– Цирковой канатоходец – запросто, – отозвался Семкин друг Вовчик Матвеев.

– Я не про циркового, а про нормального человека, – недовольно сказал Семка.

Тогда я вскочил на кирпичный край. И увидел широченные глаза маленького Ивки. Он открыл рот, будто хотел сказать “не надо”, но потерял голос.

Я вообще-то трус, но высоты не боюсь ничуточки. Правда, меня укачивает в самолете, но это не от боязни падения, а от чего-то другого. Бабушка говорит – от перепадов давления.

Ну, вот я вспрыгнул и пошел. Доска прогибалась, но не очень. Да и длина-то – всего семь шагов! Я прошел их, можно сказать, играючи. Даже никакого замирания не почувствовал. Вернее, почувствовал, но уже после, когда прыгнул на пол.

Прыгнул – и опять увидел Ивкины глаза, большущие и со слезами. Ивка был без шапки, и волосы его, светлые и легкие, были странно приподняты. Наверно, про это и говорят “встали дыбом”.

Ивка вцепился в мой рукав и шепотом сказал:

– Ты больше никогда… Ладно?

– Ладно, – пообещал я, чтобы он не заплакал.

– Ну, ты герой, – выдохнул Семка.

Я сказал:

– Герой – это когда боишься и все равно идешь, назло страху. А если не страшно, какое геройство?

Семка и Вовчик замигали, обдумывая такую мысль.

– Давайте скинем вниз эту доску, – насупленно предложил Ивка.

– Грохот будет, взрослые прибегут, – рассудил Вовчик.

– Ивка, не бойся, я правда больше не буду, – снова пообещал я.

Но теперь я знал, что нарушу обещание. Меня толкала ненависть и… радость. Сейчас ты добегаешься, Лыкунчик!

Я взлетел по лестничным пролетам на седьмой этаж. Лыкунчик не отставал. И я понял – не отстанет. Обогнуть шахту было нельзя: слева мятая арматурная сетка, справа нагромождение лесов.

Я проскочил доску с лету, в один миг. И сразу обернулся, замер.

Да, Лыкунчик не остановился. Азарт, видать, был сильнее ума. Или он просто не понял сгоряча, над ч е м этот мостик. Лыкунчик вскочил на доску – и за мной. Но… то ли доска прогнулась чересчур (он был тяжелее меня), то ли он как бы ударился о мой встречный взгляд. Замер посреди доски. Покачнулся и встал очень-очень прямо. И смотрел на меня во-от такими глазищами. И рот разинул…

А я упирался каблуком в конец доски.

Видимо, кто-то недавно двигал ее – конец, что лежал на кирпичах, был совсем короткий, сантиметров пять от края. И не надо никакого автомата. Чуть нажал – и…

Никто не заподозрит меня. Я убегал, а он гнался! Я проскочил по доске, а он не сумел! Ни один человек не подумает, что я виноват, когда его, Лыкунчика, подберут внизу на груде битых кирпичей.

Я смотрел на него неотрывно. Он все сразу понял.

“Что, Лыкунчик, не хочется падать, да? А может, ты надеешься, что это не насмерть? Не надейся, здесь двадцать метров…”

Да, ровно двадцать. Мы мерили, капроновый шнур специально принесли для этого. Он и сейчас здесь, в тайнике между двух кирпичей, мы спрятали для игры…

Небо в оконных проемах было уже синее, весеннее. И солнце яркое-яркое. Но это было не его, не Лыкунчика, небо и солнце. Его была только черная квадратная глубина над доской.

Лыкунчик беззвучно заплакал. Он не морщил лица, не жмурился, просто слезы побежали струйками из его вытаращенных глаз. И стали падать с подбородка.

Потом он качнулся и замахал руками.

– Сядь, дурак! – громко сказал я. – Сядь, схватись за края!

Он сел. Захлопнул рот, закусил губу. Но из глаз все бежало. Куртка его была распахнута. Я вдруг увидел, как на серых брюках спереди, между ног, разрослось темное сырое пятно. Лыкунчик всхлипнул, уперся в доску руками и заерзал: наверно, хотел таким образом добраться до края.

– Замри, балда!

Конец доски опасно шевелился. Еще чуть-чуть – и вниз. Потянуть на себя? А если не справлюсь, только хуже сделаю? Или дерну – и сорвется другой конец?

– Не двигайся!.. Не смотри вниз, закрой глаза!

Он послушно закрыл.

– Сиди и жди! Я сейчас…

Отбежав, я выхватил из-за кирпичей моток шнура.

– Сейчас брошу, ты поймаешь… Только без дерганья!

Он открыл глаза и закивал.

– Не дрыгайся! Лови!..

Лыкунчик правой рукой поймал конец.

– Теперь обвяжи себя под мышками. Осторожно…

Пришлось Лыкунчику отцепить от доски и вторую руку. Он опять зажмурился, но все же обмотал себя на уровне груди, завязал два узла. Трясущимися пальцами.

Я отступил, слегка натянул шнур и намотал его на штырь, торчащий из крепкой балки лесов. Теперь, если Лыкунчик сорвется, то не страшно – повиснет и поболтается, а я его вытяну. Веревка выдержит.

– Ну, давай. Ползи.

И Лыкунчик заелозил вперед, упираясь руками. При этом наверняка всаживал занозы в штаны и глубже. Но я не злорадствовал. Мне надо было одно – чтобы Лыкунчик остался жив. Потому что непонятнее всего на свете – если человек только что был живой и вдруг сразу мертвый. Даже такой гад, как Лыкунчик… Да и не был он сейчас гадом – перепуганный, зареванный, с мокрым пятном на штанах.

Да, я не злорадствовал и не геройствовал. Правда, мелькнула все же мысль: “Больше не будешь петь про сосиску…” Но мелькнула и пропала. Лишь бы выбрался…

Наконец Лыкунчик упал животом на кирпичную кромку. Я вцепился в его куртку. Вот тогда конец доски сорвался, и она с гулом ушла вниз, грянулась там.

Но никто не прибежал. И дружки Лыкунчика были неизвестно где. Видимо, они не знали, куда мы подевались.

Лыкунчик полежал, отдышался. Встал.

– Идем, – сказал я.

– Куда? – Он посмотрел вниз, на штаны: сырость достигла колен.

– Там внизу лужа. Упадешь в нее будто случайно. С кем не бывает…

Он посмотрел на меня, кажется, с благодарностью. А как он еще должен был смотреть?

Мы спустились, выбрались наружу из окна первого этажа. Вокруг серели груды талого снега, хотя на припеке уже расцвела мать-и-мачеха. У железной бочки с остатками извести скопилась мутная вода.

– Толкни меня, – сдавленно попросил Лыкунчик.

Я толкнул. Надо сказать, от души постарался. Лыкунчик ненатурально взмахнул руками, упал на колени, а потом животом – прямо в воду.

– Вставай! – почему-то испугался я.

Лыкунчик встал, с него текло. К штанам, куртке и рубашке прилипла грязь, глиняные ошметки.

– Папаша меня за это изничтожит вконец, – глухо признался Лыкунчик. – За куртку он пол-лимона высадил. Французская…

“А по виду и не скажешь. Самая обыкновенная”,– мелькнуло у меня.

– Пошли ко мне. Постираешь, отчистишь…

Лыкунчик глянул удивленно.

– Пошли, – повторил я.

– А дома у тебя что скажут?

– Ничего не скажут. Родители на работе, бабушка в гостях, никого не будет до вечера.

Конечно, во мне уже копошилась этакая горделивость: недавно еще убегал, как заяц, а теперь стал благородным спасителем, помиловал своего врага. Но копошилась она так, слегка. А главное было то, что мне было просто жаль Мишку Лыкова, который сделался совсем непохожим на прежнего Лыкунчика.

Дома я нагрел в газовой колонке воды. Жилье наше было старое, деревянное, поэтому ванна с таким вот несовременным устройством. Дал я Мишке мыло, чтобы он выстирал одежду. Потом посоветовал и самому ему забраться в ванну, потому что заляпался он здорово.

Лыкунчик не спорил.

Горячим утюгом мы высушили и отгладили брюки и рубашку Лыкунчика. С курткой было хуже, ее ведь не выстираешь. Как могли, мы посушили ее у горячей колонки, потом почистили, но все же местами она осталась замызганной.

– Может, обойдется, – вздохнул Лыкунчик.

Пока он мылся, я сходил наверх, в мезонин, достал из бабушкиного комода банное полотенце и заодно включил магнитофон. На полную громкость. Запись группы “Левый локоть”. Вообще-то я не очень ее люблю, но решил, что для нынешнего случая в самый раз. Не Спивакова же ставить для этого Лыкова!

Лыкунчик, когда выбрался из ванной, поднял к потолку голову:

– Кто это там у тебя?

– Не слышишь разве? “Левые локти”, новые знаменитости…

– А слушает-то кто? Ты же говорил, что никого нет!

И тут меня словно толкнуло:

– А! Это брат пришел, пока ты там барахтался!

– Какой брат?

– Какой-какой! Старший. Алексей… Да ты не бойся, он сюда не спустится. Он если музыку слушает… его от колонок за уши не оттащишь.

– Парни говорили, что у тебя нет никакого брата, – неловко выговорил Лыкунчик. – Мол, ты один у бабушки…

– Как это нет! Да ты его зимой видел! Такой высокий, с веснушками…

Лыкунчик мигнул. Видать, вспомнил. Зимой они пихали меня головой в заснеженный газон, а тут подошел “высокий с веснушками” и шуганул их. Но это был не мой брат, а Ивкин. Митя. Только Лыкунчик этого, конечно, не знал. Поверил.

Но все же он спросил:

– А чего ж тогда… – И осекся.

Я понял: “А чего ж тогда он заступился всего один раз и больше не вмешивался, когда мы тебя изводили?”

– Он в Москве учится, в декабре приезжал на пару дней, повидаться. А сейчас у него преддипломная практика, ему разрешили писать диплом дома.

Ловко я вывернулся, да? Быстро так и правдоподобно.

Мы оба снова посмотрели на потолок. “Левые локти” пели, как глупо устроены люди: все время убивают друг друга.

– Ты не бойся, – снисходительно повторил я.

– Да я и не боюсь, – сказал Лыкунчик не очень уверенно.

Когда Лыкунчик уходил, на пороге он посопел и неуверенно протянул руку.

– Ты… это… Про то, что было раньше, забудь, ладно?

– Чего там, – сказал я и мысленно добавил: “Главное, что ты живой”.

Потом я до вечера думал про то, что случилось. Даже размечтался: может, Лыкунчик вовсе не плохой парень и мы сделаемся друзьями…

Ну, ладно, друзьями там или нет, но уж лезть ко мне он больше не станет.

На следующее утро я шел в гимназию, как говорится, “со свободным дыханием”. Без всякого страха и уныния – чуть ли не впервые за весь учебный год. Лыкунчик мне кивнул довольно дружелюбно, хотя в разговор и не вступил. Ну, это и понятно. Все же неловко ему за вчерашнее. Дружки Лыкунчика меня будто не замечали.

С последнего урока нас отправили в медицинский кабинет – делать прививки от энцефалита. Уже вторые в этом году. Кто-то заныл и заспорил. Но я спорить не стал: в июне я собирался в летний лагерь, а там клеща подцепить проще простого. А Лыкунчик пробовал упираться: это, мол, дело добровольное – не хочу и не пойду. Но наша классная пообещала позвонить отцу и узнать, как тот относится к принципу добровольности. Лыкунчик поежился и пошел…

Мой укол к вечеру заболел, даже температура слегка поднялась. Утром я объявил, что “болит по-прежнему” и по этой причине в школу я идти не могу. Бабушка меня поддержала.

Весь день я с удовольствием провалялся в кровати с книжкой про пиратов Карибского моря. И порой для видимости постанывал. Пока бабушка не сообщила, что ничего у меня не болит и что она это прекрасно знает, а на уроки не ходить разрешила потому, что в детстве сама была не прочь прогулять школу.

– Да, мы с тобой понимаем друг друга, – с удовольствием сказал я.

В шесть часов пришел отец. Я и бабушка на кухне пили чай с ванильными сухариками и смородиновым вареньем. Отец посмотрел на меня как-то очень внимательно.

– Ольга Георгиевна, могу я поговорить с сыном один на один?

– Кто же вам не дает? Странно даже…

Отец поманил меня в их с мамой комнату. Я ничего не понимал. Струхнул даже. Отец откинулся в кресле, помолчал и сказал:

– Непонятное дело. Меня вызывали к вашему директору. Она говорит, что ты позавчера избил своего одноклассника Лыкова…

Меня – будто подушкой по голове. Даже пошатнулся.

– Я? Избил?!

– Так говорят.

– Кто говорит? Да ты видел этого Лыкова? Он сильнее меня в два раза, бугай такой! Он тот гад, который ко мне все время прискребался!

Отец поморщился.

– Оставь эту… терминологию тинейджеров. И послушай. Вчера он разделся для прививки – и у него спина в следах от побоев. И он сказал, что вы подрались на улице, он упал в лужу, а ты испугался и повел его к нам домой, заманил в ванную, а потом… вот тут самое непонятное. Он утверждает, что вы били его ремнем вдвоем с братом. С высоким веснушчатым парнем по имени Алексей.

– Ну и скотина… – выдохнул я. – Подонок! Я его спас, а он…

И тут я заревел. Как первоклассник.

– Перестань, – потребовал отец. – И расскажи, что было на самом деле.

Реветь я перестал не сразу, не так-то это просто. И рассказывал сквозь слезы. Но все откровенно. А чего скрывать, если не виноват!

Хотя кое-что все же скрыл. Не сказал про свои мечты об автомате и про то, зачем заманил Лыкунчика на доску. Объяснил, что просто хотел оторваться от погони.

– Думал, он не решится… там, через шахту…

Отец не перебивал. А потом сказал, что трюк с доской – это идиотская выходка и чтобы я больше не смел так глупо рисковать. Но в глубине души, по-моему, он был доволен, что я не совсем трус. Помолчал и признался:

– Я сразу понял, что здесь что-то не то. Так и заявил директрисе. Сказал, что позавчера ты был дома один и никого избить не мог…

– Его наверняка папаша взгрел! За грязную куртку! А он побоялся сказать про отца, вот и все! Или решил мне отомстить… за то, что оказался передо мной…такой вот, беспомощный… А я-то с ним возился, когда он в штаны напустил… – И опять я всхлипнул. И снова отец поморщился.

– Ладно, все это ерунда. Вашей Валентине Константиновне я все объясню. Истина, как говорится, всплывет на поверхность. А теперь скажи-ка все-таки самое главное…

– Что?

– Откуда ты узнал про брата?

– Про какого?

– Про Алексея.

Оказалось, что у меня и правда есть старший брат Алеша (только без веснушек). Дело в том, что папа был женат дважды. Я про это слышал и раньше. Но я никогда не знал, что у отца и той женщины есть сын.

Сейчас отец изложил мне это сухо и будто через силу. Но я видел, что это просто от неловкости.

– Он живет с матерью в Калуге. Заканчивает школу. Ему восемнадцатый год…

– Почему вы мне раньше ничего не говорили?! – Я был ошарашен.

– Мама не хотела. И бабушка. Они считали, что та моя жизнь – дело прошлое и нашей семьи не должно касаться. На этих условиях мама и согласилась выйти за меня… Но надо отдать ей справедливость: она не спорила, когда я уезжал, чтобы повидаться с Алексеем.

Понятно теперь, почему меня не назвали Алешей. Не могут быть два Алеши у одного отца.

– Целых одиннадцать лет я не знал, что у меня есть брат!

– Да. Это… было неправильно. Но я обещал. Я бы и дальше молчал, но сейчас мне показалось, что ты все уже знаешь. Решил, что поэтому ты и сказал о брате тому… Лыкову…

– Нет. Это просто такое вот совпадение, папа…

На следующий день я разболелся по-настоящему. Может, от переживаний. В гимназию опять не пошел. И с утра до вечера укорял бабушку за то, что она всю мою жизнь водила меня за нос.

Бабушка оправдывалась и ссылалась на маму.

Но с мамой про Алексея говорить я не стал. Понимал, что в этом случае у них с отцом начнется “выяснение позиций”. Мама у меня очень красивая и потому очень решительная. Хорошо, что мое воспитание она передоверила бабушке, а то всегда ходил бы по струночке.

А потом, через день, я вдруг успокоился. Ведь ничего в моей жизни не изменилось. Ну и что же, что брат? Во-первых, не совсем родной, а только наполовину. Во-вторых, далеко. В-третьих, гораздо старше меня, у него небось девицы и дискотеки на уме, а малолетние родственники ему в друзья не годятся.

Мама к тому, что секрет открылся, отнеслась довольно спокойно: “Вот и хорошо, одной проблемой меньше”.

Теперь отец мог без утайки звонить в Калугу. Раза два говорил с Алексеем и я. Но разговоры были ничего не значащие: “Привет!” – “Привет!” – “А я и не знал, что у меня есть брат…” – “Ну, ничего, теперь знаешь…” – “Может, когда-нибудь увидимся…” – “Обязательно увидимся. Возможно, этим летом. Вот поступлю в институт…” – “А ты куда будешь поступать?” – “Наверно, в политехнический”. – “Ну, ни пуха ни пера”. – “Ага. К черту…”

Это первый такой был разговор. Но и второй в том же духе. Алексей признался, что он-то знал про меня с младенчества и не раз спрашивал про меня у отца. Но меня такое внимание почему-то не очень тронуло.

К нашей директорше меня не вызывали. Видимо, она во всем разобралась сама. Вот и хорошо. Не очень-то мне хотелось с ней беседовать, с нашей твердокаменной Валентиной Константиновной. Я бы, чего доброго, разревелся там, как при отце. Или наоборот, вскипел бы и наговорил чего-нибудь “вызывающего”.

Лыкунчик меня не задевал и не глядел на меня. Его приятели – тоже. Ну и прекрасно! Ничего другого мне и не надо было от этого предателя.

Конечно, предатель!.. И все же я ни разу не пожалел, что там, на седьмом этаже, не ударил каблуком по доске. Как бы я сейчас жил? Иногда мне снилось, что я все-таки ударил. Будто никто этого не знает, но я все время помню размозженное тело Лыкунчика на кирпичах. “Убийца…Убийца…”

Да на кой черт он мне сдался, чтобы я из-за него всю жизнь потом мучился!..

Впрочем, ну его, Лыкунчика. Больше в моем рассказе его не будет.

Я благополучно окончил пятый класс и в начале июля уехал в летний лагерь “Богатырская застава”.

ГОРЯЩИЕ ТОЧКИ

Бывают же такие злые совпадения!

В ту ночь, когда заполыхал наш дом, я тоже чуть не сгорел, хотя находился далеко от города.

Наш отряд “Алеша Попович” отправился в двухдневный поход, и на ночевку мы встали в сосновом лесу на берегу Птичьего озера.

В палатке было душно, и среди ночи я с одеялом на плечах выбрался наружу. Сел у костра. Здесь было еще несколько “поповичей”, которым не спалось. Я смотрел, как искры летят к черным лесным верхушкам. Вверху искры не гасли, а продолжали гореть, как очень далекие стоп-сигналы. Так мне казалось. Их можно было принять за звезды. Только звезды голубые и белые, переливчатые, а горящие точки были пунцовые. Может быть, они намекали на беду. Но я ничего не предчувствовал, было только немного грустно.

Скоро меня сморило. Я на этом же месте улегся на бок и уснул. Уснули, видимо, и другие. Даже те, кого назначили костровыми.

Никто не видел, как ползучий огонь по сухой хвое подобрался к моим ногам и начал глодать правую штанину. Он выел изрядный кусок джинсовой ткани и наконец куснул меня за щиколотку. Я взвился ракетой, взвыл и заплясал.

Перепуганный костровой облил мне ноги из “дежурного” ведра. Инструктор Володя, студент медицинского института, смазал ожог каким-то холодящим кремом и забинтовал.

– Держись, «попович», это не смертельно, через пару суток заживет. Со штанами хуже, терапия здесь бессильна. Разве что хирургическое вмешательство.

Но я махнул рукой. Подвернул штанины до колен – обгорелую и уцелевшую. А вернувшись в лагерь, сунул джинсы в самую глубь рюкзака. У меня были еще шорты из палаточной ткани – потертые, много раз чиненные, но прочные – мне их потом хватило до конца лета.

А про пожар я ничего не знал до конца смены. Лишь за день до прощального праздника приехал на нашем красном “жигуленке” отец. И все рассказал – коротко и насупленно.

Почему-то я сперва не очень огорчился. Наверно, просто отупел от неожиданности. И обиделся:

– Почему сразу-то не сообщили?

– А зачем? Чтобы испортить тебе здешнюю жизнь?

– Какая здешняя жизнь? Я бы тут же приехал!

– Зачем? – опять сказал он.

– Ну… помог бы. И вообще…

– Какая там помощь! Только путался бы под ногами.

…Отец раньше был пилотом на местных самолетных линиях. Потом рейсы стали сокращать – у авиакомпании не хватало денег. Летчики увольнялись: кто по собственному желанию, кто по сокращению штатов. Уволился и отец. Тем более что к тому времени у него вдруг стало сдавать зрение.

Жаловаться на судьбу он не стал. Поступил конструктором в фирму “Альбатрос”, где проектировали и выпускали дельтапланы. Ну, и не только дельтапланы, а много чего – от коек-раскладушек до разборных павильонов для выставок. Но отец занимался главным образом дельтапланами, летчик все-таки.

Впрочем, теперь он не был похож на летчика. Вместо синей формы носил костюм, отпустил бородку и сделался похожим на Чехова с фотографии из собрания сочинений. Особенно когда надевал очки (а надевал он их все чаще).

Мамина знакомая Клара Ивановна как-то сказала, что “у Максима Аркадьевича в общении с людьми появилась “чеховская мягкость”. Так оно, видимо, и было. Но в трудные моменты и в минуты досады проявлялся в папе и прежний командир воздушной машины. А иногда этот командир и “Чехов” сливались в нем. Это и был мой папа Максим Аркадьевич Иволгин.

От слов отца, что я только путался бы под ногами, обида у меня усилилась.

– Тогда почему ты сейчас приехал? Уж дал бы мне дожить тут до конца! Завтра у нас закрытие смены, я уже богатырский костюм приготовил для выступления. Зря, что ли, старался?

– Завтра я не могу. Масса дел.

– Ну и не надо. Я с ребятами вернулся бы на электричке…

– И приехал бы к головешкам. Представляю твою реакцию.

Да, в самом деле…

Пока мы говорили, один за другим подбегали ребята.

– Уезжаешь, «попович»? Жалко…

– Почему тебя Поповичем дразнят?

– Никто меня не дразнит! Мы все друг друга так зовем. Потому что имя отряда такое!

Отец понял, что задел мою больную струнку – напомнил о неприятностях в гимназии.

– Ладно, иди попрощайся с “поповичами” и возьми вещи, начальника я уже предупредил. Не канитель ся, пожалуйста.

Я и не канителился, через пять минут вернулся с рюкзаком. Кинул его на заднее сиденье, а сам устроился рядом с отцом. Пристегнулся. Отец покосился:

– Ты же знаешь, что впереди можно ездить с двенадцати лет.

– Ну как гаишники определят, одиннадцать мне или двенадцать?

– Могут потребовать мой паспорт. Ты туда вписан с датой рождения.

На все у него есть короткий ответ. Как пункт из летного устава. Я засопел и стал отстегивать ремень. Отец покосился опять:

– Ладно, сиди…

Я сказал примирительно:

– Все равно на этой дороге до самого города нет ни одного поста.

– Мы не в город, а в Старые Колодцы.

– Почему?

Отец внимательно посмотрел на меня.

– Саша, я понимаю: ты еще не вник в ситуацию до конца. Ты пойми. От дома не осталось почти ничего. Мы все живем сейчас на участке.

У поселка Старые Колодцы в коллективном саду у нас кусочек земли и похожий на скворешню домик. Теперь, значит, это наш единственный дом. Я наконец осознал, какая же случилась беда. И крепко замолчал, чтобы не разреветься.

Отец по проселку вывел машину на тракт. И тоже молчал. Меня это молчание скоро стало давить не меньше, чем сама беда. Я сказал насупленно:

– Значит, это тринадцатого числа случилось?

– В ночь на тринадцатое… Вот и не верь после этого приметам.

– А я в эту ночь тоже чуть не сгорел. Заснул у костра. Смотри, след на ноге… – Выше косточки было коричневое пятно, похожее на маленький кленовый лист. Сказал и пожалел. Сейчас услышу: “Нельзя быть таким растяпой”.

Отец, однако, глянул на ожог и спросил:

– Больно было?

Я сразу затеплел от этой нотки сочувствия.

– Сперва больно, конечно. Но быстро прошло, есть мазь такая, специальная… Джинсы только спалил…

– А вот это досадно. В чем в школу-то пойдешь? Вся одежда сгорела.

– В школу в джинсах все равно не пускают. Не знаешь разве нашу Валентину Константиновну? Она установила: только в школьной форме или в костюме с галстуком. Это же гимна-азия…

Отец быстро посмотрел на меня опять. И снова – вперед. Встречные самосвалы и автобусы проносились так, словно рядом лопались громадные воздушные шары. Выбрав минутку, когда машин стало меньше, отец сказал:

– Ну посуди, какая теперь гимназия. Не будешь ведь ты ездить туда через полгорода. Нам придется заводить новое жилье, квартира в центре стоит таких денег, какие нам и не снились. Будем искать на окраине. Да и то придется вывернуть все карманы и влезть в долги.

– Но ведь дом застрахован! – вспомнил я.

– Этой страховки хватит лишь на прихожую… А нам надо не меньше трех комнат с кухней… Если бы Ольга Георгиевна не отстаивала грудью родовое гнездо и продала дом, когда ей это предлагали, хватило бы на четыре комнаты в центральном микрорайоне.

Владелицей дома по закону была моя бабушка – мамина мама и папина теща. Наш покосившийся дом она очень любила. Он был столетний, с обломанной резьбой наличников и маленьким мезонином (в котором летом обитал я).

Дом сохранился от старого городского квартала и стоял, зажатый со всех сторон многоэтажками. И районные власти, и всякие частные фирмы не раз предлагали бабушке деньги или большую квартиру взамен “вашей музейной развалины”. Бабушка сопротивлялась, даже в суд ходила. И суд защитил ее права (“Хотя это весьма странно”, – говорил отец). Но всякие посетители продолжали осаждать нас. Очень уж хотелось им построить на этом месте что-то свое, современное. Отец утверждал, что в конце концов нас все равно сроют или сожгут.

– Думаешь, подожгли?

– А ты думаешь, от жучка-светлячка загорелось? Подпалили с четырех углов. В точности, как я предрекал твоей бабушке.

Мне стало обидно за бабушку, и в отместку я сказал:

– А тебе жалко лишнюю каплю бензина истратить на меня? Все равно ведь будешь ездить на работу. Мог бы завозить меня в гимназию, не большой это крюк…

О гимназии я, конечно, не жалел. И отец это знал. Еще до случая с доской на седьмом этаже он не раз говорил мне: “Никто человеку не поможет, если он боится. Надо уметь преодолевать себя и научиться давать отпор”. – “Себя-то я преодолею! А их? Попробуй, когда десять на одного!” – “Трус всегда найдет оправдание…”

Мама за меня заступалась:

– Мало того, что в армии дедовщина, так еще и в школе ее завели! А считается, что это элитное учебное заведение!

Отец отвечал, что дедовщина – общий признак нынешней современной жизни.

– И никуда от этого не денешься, такова система. Надо учитывать реальные условия.

Они с мамой отвлекались от меня и начинали спорить об условиях жизни. Мама заведовала отделом в налоговой инспекции и утверждала, что, если бы все предприятия не уклонялись от уплаты налогов, в стране был бы уже рай. А папа отвечал, что, если с фирм по-прежнему будут сдирать такие подати, скоро наступит всеобщее разорение. Такая вот у них была государственная тема для дискуссий. Но вообще-то они жили дружно (хотя, конечно, случалось всякое).

Я в государственные споры не лез, уходил к бабушке. Она-то меня понимала…

Ну, а сейчас я был только рад, что пойду в другую школу. Пускай без всяких там эстетических программ и бальных танцев. Зато, может, легче жить станет. И про бензин я сказал просто так, с досады.

Отец не рассердился. Объяснил печально:

– На машине мы едем, скорее всего, последний раз. Она тоже пойдет в уплату за новую квартиру. Хотя много за эту тележку не дадут, не “Мерседес”. А потом придется проститься и с участком. Тем более что страховку надо еще выколачивать, не так-то это просто… Короче говоря, мы – классические погорельцы.

Я вдруг представил черные обгорелые бревна и провалившуюся крышу. Будто наяву увидел. И перехватило горло.

– Папа, останови, – попросил я сипло.

– Зачем?

– Ну, зачем-зачем! В кусты хочу…

Отец затормозил на обочине. Я ушел подальше в придорожное мелколесье. Там уперся лбом в березку и коротко, взахлеб выплакал подступившее горе. Размазал слезы по щекам.

К счастью, рядом оказалась лесная лужица. Я умылся. Вода пахла брусникой.

Когда я вернулся, отец сразу заметил:

– Почему у тебя разводы на щеках?

Мог бы и не спрашивать.

– Я умылся оттого, что меня укачало.

– Не знал, что тебя укачивает даже в машине.

“Даже” – потому что однажды он взял меня в полет до Сосновки. И в самолете я умотался так, что обратно пришлось отправлять рейсовым автобусом. Хорошо, что нашелся знакомый попутчик.

– Да, бывает и в машине. Я не только трус, но и неженка.

– Александр, что с тобой?

– А с тобой? Ты со мной говоришь так, будто это я виноват в пожаре.

– Разве? – Он помолчал. – Ну, извини… Ты ведь должен понимать, как мне сейчас тошно.

– Я… понимаю…

И маме, и бабушке тоже было несладко. Но бабушку несчастье не сломило. Она стала еще более маленькой и сухой, но походка ее осталась твердой. И рот был сжат упрямо.

Я понимал: бабушка чувствует себя как полководец, который держался в осажденной крепости до конца. Да, крепость сожгли, но не в бою, а предательством. Честь знамени осталась незапятнанной. И моя замечательная бабушка, Ольга Георгиевна Ясницкая, смотрела на всех с печалью, но гордо.

Правда, когда мы оказались вдвоем, твердость бабушку на минуту покинула. Бабушка обняла меня и всплакнула:

– Видишь, Алик, остались мы почти без всего.

Но это «почти» было не таким уж и маленьким. Судьба сделала нам кое-какие поблажки. Во-первых, уцелели все документы. Бабушка, словно чуя беду, хранила их в могучем дубовом сундуке, вместе со старыми письмами и фотографиями. А паспорта и страховые бумаги дополнительно прятала еще в жестяную шкатулку из-под старинных леденцов. Сундук обуглился, но не пустил внутрь пламя и жар, все бумаги уцелели.

Во-вторых, незадолго до пожара бабушка временно уступила краеведческому музею фамильный фарфоровой сервиз (со всякими нарисованными дамами и кавалерами) и двухметровые часы со стеклянными дверцами и похожим на медную сковородку маятником.

А кроме того (вот удача!), за день до беды отец отвез в мастерскую наш телевизор «Айва». Это моноблок со встроенным видеомагнитофоном. Теперь он был нашим утешением. Без телевизора современному человеку ох как тяжело. Особенно когда живешь в дощатом домике, вдали от городской цивилизации.

Домик этот был очень тесный, мы вчетвером еле помещались. Я, посмотрев какое-нибудь кино, укладывался спать снаружи, на раскладушке отцовской фирмы.

Иногда я подолгу не спал. Смотрел в белесое летнее небо, на звезды. Среди звезд были теперь не только голубые и белые, но и розовые. И даже красные. Горящие точки. Я вспоминал искры походного костра.

Но ведь по правде-то это не искры. Громадные солнца. А вокруг них – планеты. Может, там тоже пожары?..

На яблонях шевелились черные листья, качались незрелые яблоки. Маленькие, кислые, сорт был неважный. Иногда я срывал и жевал их. И, кроме кислоты, мне в них чудилась горечь. Горечь прощания. Ведь нашими-то эти яблони, этот щелястый дом-скворечник будут совсем недолго.

И даже торчащее над грядками пугало по имени Данилыч будет не нашим.

Данилыч был с головой из пластмассовой канистры, с ногами из старых валенок, с руками из веников. В растерзанной соломенной шляпе, в драной отцовской рубахе. Поверх рубахи была надета моя жилетка, сделанная из старой школьной курточки.

Эта жилетка была у нас с Данилычем одна на двоих. Иногда, если моросило или делалось зябко, я надевал ее на себя. Но это случалось редко, лето стояло теплое.

Несмотря на грусть, жизнь у меня была довольно беззаботная. Зато родителям доставалось. Ранним утром они на электричке (машины уже не было) уезжали в город. Там – и работа, и квартирные хлопоты. Я знал, что квартиру уже присмотрели, теперь торговались и оформляли бумаги.

Бабушка тоже иногда уезжала. Она взяла на себя школьные хлопоты. Меня записали в шестой класс неизвестной мне школы номер двадцать девять.

– Вполне приличная школа, – сказала мне бабушка. – И самое хорошее то, что там есть класс с усиленным изучением английского языка. В него тебя и определили. Ну, а немецким придется пожертвовать, что поделаешь…

Английский мы изучали в гимназии с первого класса. А с пятого начали и немецкий. Бабушка этому радовалась. А я ничуть. Не был я прилежным учеником, надо сказать это прямо.

Когда я оставался на участке один, то уходил бродить по окрестным перелескам, или десятый раз читал роман «Трудно быть богом», или включал видик со своей любимой кассетой. Книжка и кассета во время пожара оказались в сундуке (бабушка их спрятала на время моей летней смены) и поэтому сохранились.

На кассете была никакая не модная группа и не боевик. Был старый-старый фильм «Остров сокровищ» и выступление мальчишечьего хора из Ленинградской области. Я его сам однажды записал. Особенно мне нравилась песня «Аистенок». И мелодия нравилась, и слова, и как ребята ее поют… Такие замечательные лица

были у этих мальчишек! У всех! Вот бы мне хоть одного такого друга…

Наконец мы перебрались в город. На окраину, в поселок Стекловск. Раньше это было отдельное большое село. Старинное, со стекольной фабрикой. Потом оно срослось с городом. Сейчас отсюда до центра ходили трамвай и автобус.

Несколько лет назад городское начальство решило строить в Стекловске новый микрорайон. Денег, однако, хватило на один дом. Он был длинный, изогнутый дугой, светло-серый. А при ярком солнце издалека дом выглядел даже белым. Наверно, если смотреть с самолета, похоже было бы, что среди пестрых крошечных домиков и зелени бросили кусок обсыпанного мукой кренделя.

Наша трехкомнатная квартира оказалась в крайнем левом подъезде, на самом верхнем, на девятом этаже. Взрослые говорили, что это плохо, зато дешевле. А я был доволен. Из окон открывался широкий вид – до лесов на горизонте. И хорошо, что никто не будет топать над головой (мне про такое думать было тошно). Достаточно того, что под нами еще аж целых восемь жилых слоев. Когда я вспоминал про это, почему-то делалось муторно, почти как в самолете. Словно меня поселили в какой-то неземной многопространственный мир.

Бабушка со мной соглашалась, но говорила, что привыкнем.

– Лишь бы не ломался лифт.

К счастью, лифт работал нормально. Мне он понравился, не то что папин самолет.

Были у новой квартиры и еще кое-какие хорошие стороны. Например, электроплита. Не надо бабушке по десять раз на дню вздрагивать: выключен ли газ? И центральное отопление – тоже здорово! Конечно, плохо без уютных печек, зато никакой возни с дровами. И воду для ванны не надо греть в колонке, открыл кран – и пожалуйста! Ржавая газовая колонка в старом доме часто ломалась. Взрослые предпочитали ходить в ближнюю баню, где были «номера». А для меня бабушка грела воду на плите. И мыла меня в ванне, как малое дитя. Аж до десяти лет, пока я не начал отбрыкиваться. Не то чтобы я очень стеснялся, но отец сказал однажды:

– Он же не младенец, сколько можно играть с ним, как с пупсиком…

Комнаты были полупустые, ничего лишнего. Кое-какую мебель отец раздобыл у друзей. Стол, шкаф и табуретки привезли из садового домика. Спали на раскладушках (в фирме «Альбатрос» дали их папе бесплатно). Зато уютно, как в старом доме, тикали высокие стенные часы, которые (если верить бабушке) появились на свет еще при жизни Пушкина.

Тикали они, тикали и натикали время, когда надо собираться в школу.

К счастью, в садовом домике сохранилась моя прошлогодняя школьная форма. Бабушка увезла ее туда в начале лета, чтобы у меня была «спецодежда для сельхозработ». Но по причине жаркой погоды спецодежда тогда не понадобилась, а теперь пригодилась.

Конечно, костюм оказался маловат, особенно в длину. Бабушка чудом каким-то нарастила рукава, распустила внизу штанины, использовав весь подгиб. Почистила, погладила.

Все равно брюки были коротковаты. Но, если приспустить их под курткой, то сойдет. Все равно другого ничего не было.

Получив пенсию, бабушка купила мне две белые рубашки и черный галстучек. Я содрогнулся.

– В новую школу надо идти в приличном виде, – сообщила бабушка. – Хотя бы в первый день…

Я покорился.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ В ДЕНЬ ЗНАНИЙ

Но первого сентября в школу я не пошел.

Ночью у меня нестерпимо заныл зуб. А утром оказалось, что левая щека значительно круглее правой.

– Идем в поликлинику! – категорически решила бабушка. – До обеда успеем. Ведь у вас занятия с двух часов.

Я обомлел. До той поры у зубного врача я не лечился ни разу.

– Не хочу!

– Как не стыдно!

– Ты же знаешь, что я трус!

– А если случится воспаление челюсти и сепсис? Тебе известно, сколько людей умерло от такого заражения?

Мне это не было известно. Бабушке, наверно, тоже. И все-таки я сник. Бабушка знала, чем меня взять. Всякой инфекции и смертельных заболеваний я боялся не меньше, чем хулиганов и самолетной болтанки.

– Надень сразу школьный костюм. Возможно, потом будет некогда.

На трамвае мы поехали в центр, потому что на учете в поликлинике я стоял еще по старому адресу. Трамвая ждали долго, ехали чуть не час. А надутая тетка в регистратуре сказала:

– Без медицинского полиса на прием не записываем.

Полис у меня был, не сгорел. Но, конечно же, мы его забыли.

– Вы же видите, мальчик с острой болью! – вознегодовала бабушка.

– Мальчик с болью, а я с инструкцией. Идите к главному врачу.

Главный врач был, естественно, на совещании. Видимо, обсуждали вопросы о борьбе с бюрократизмом в обслуживании пациентов.

Бабушка разменяла последнюю крупную ассигнацию, и мы помчались за полисом на такси. А потом обратно. Бабушка сказала, что на эти деньги мне можно было бы купить половину новых брюк – левую или правую, на выбор. Я на это не откликнулся – зуб разболелся так, что солнце казалось фиолетовым.

Когда вернулись в поликлинику, была уже половина двенадцатого. Оказалось, что врач ушла на перерыв и появится только через час. Ой, ма-ма-а!..

– Если невтерпеж, идите во взрослую поликлинику, там примут с сильной болью. Это недалеко.

Ничего себе недалеко! За пять кварталов!

В зубе и щеке бесновались горящие точки, которые я привык видеть в небе.

Наконец пришли, отыскали. В регистратуре очень симпатичная девушка сказала, что пожалуйста, но лечащий врач будет лишь после двух, а сейчас работает только хирург. Чтобы удалять…

Ага, знаем мы это «удалять»! Щипцами…

Бабушка взглянула на меня с горьким состраданием. И за плечо развернула к двери.

– Идем.

– Куда еще-то? – простонал я.

– Последний шанс.

И через квартал привела меня к двери с вывеской «Детская и взрослая стоматология».

– Это платная лечебница. Но делать нечего…

В платной лечебнице все пошло быстро.

– Пожалуйста, на второй этаж, в первый кабинет.

Видимо, с перепугу зуб перестал болеть. Совершенно перестал. Только, если тронуть языком, чувствовалось. Но назад пути не было.

В первом кабинете оказались два врача – женщина и мужчина. Женщина сказала:

– Игорь Васильевич, взгляните, что у мальчика… – И вышла.

Игорь Васильевич был приземистый, полный, разговорчивый.

– Устраивайся, дитя мое…

Я взгромоздился на узкое кресло и беспомощно откинулся в нем. Ноги далеко вылезли из школьных штанин.

– Раствори пасть, отрок… Та-ак. Картина ясна. Что же ты, друг мой, этак запустил свой клык?

– Не болел же…

– Ну, ладно… Здесь два варианта. Или лечить, или сразу долой. Но с лечением будет много возни. И едва ли пломба удержится долго. Зуб на последнем издыхании. И ходить сюда придется не раз…

В такую-то даль!

– А что… – начал я жалобно и устыдился неоконченного вопроса.

– Что больнее?

– Что дороже? – с остатком мужества сказал я.

– Пломба не в пример дороже. Раз в десять.

И он назвал число, от которого я чуть не катапультировался в окно вместе с креслом.

– Дергайте!..

– Вот речь не мальчика, но мужа… Потерпи чуток, сейчас будет самое неприятное. Зато остальное – пустяки…

Что? Укол? Ну, это пусть. Это все же не щипцы… Ай! – в десну ощутимо кольнуло.

– Теперь надо подождать несколько минут. Или в коридоре, или можно здесь. Все равно никого больше нет.

– Лучше здесь.

Я стал ждать и смотреть в окно. И незаметно двигал ногами, чтобы приспустить задравшиеся штанины. За окном дробно стучали пневматические молотки – дробили асфальт. Игорь Васильевич закрыл форточку.

– С утра барабанят. Будто по затылку.

Я вспомнил недавнюю телепередачу и поддержал разговор. Чтобы доктор не думал, будто «отрок» совсем сомлел.

– Как автоматы в горящих точках.

– В горячих…

–Ну, все равно. В «горящих», по-моему, правильнее.

– Да?.. Возможно… Как твоя нижняя челюсть?

– Будто задубела… Так и надо, да?

– Так и надо.

Тут меня укусил новый страх.

– Скажите, а шприц… он был одноразовый?

– Вполне одноразовый и совершенно стерильный. СПИДа опасаешься?

Как он догадался? От стыда я на миг весь задубел, как челюсть. Игорь Васильевич подошел, взял со стеклянной тумбочки блестящие щипцы. Я резко озяб. Даже ноги покрылись гусиной кожей.

– Боишься? – понимающе спросил он.

Я сказал с отчаянной честностью:

– Естественно. Кто этого не боится…

– Открой пошире… И подожди бояться, это еще не сейчас, я только примеряюсь… Смотри! – и показал зажатый в щипцах длинный зуб с черной дырищей.

– Это… мой, что ли?

– Ну, не мой же… Сплюнь.

Я плюнул в блестящую чашку розовой слюной.

– Вы… прямо артист своего дела. – Я таял от счастья.

– Бесспорно. Теперь слушай совет: старайся никогда не бояться раньше времени. «Гамлета» не читал еще?

– Фильм смотрел. Со Смоктуновским. А еще в гимназии отрывок ставили на сцене. На английском языке…

– Ага, образованное дитя… Помнишь в его знаменитом «Быть или не быть» такие слова:

Так трусами нас делает раздумье,

И так решимости природный цвет

Хиреет под налетом мысли бледном…

– Ага, – соврал я, – помню. Но, кажется, это не совсем про то.

– Оно про то, что воображаемые страхи часто оказываются гораздо больше, чем настоящие… Ну, ладно. Заткнем пробоину ватой, держи ее пятнадцать минут. Два часа не есть и не пить. Потом сутки полощи рот после еды… Вставай, гимназист. До свидания. С Днем знаний тебя.

– Спасибо… Ой! Я сейчас у бабушки деньги возьму.

– Оставь деньги бабушке. Или пусть она ими порадует тебя. В порядке компенсации за душевные терзания.

– Ну… неудобно как-то… – промямлил я.

– Удобно, удобно. Ты уже расплатился пережитым ужасом. Больше не бойся так, помни Шекспира…

– Спасибо, – опять пробормотал я.

Бабушка нетерпеливо переживала за меня в коридоре. Я гордо оттянул нижнюю губу:

– Э!.. А?

– С ума сойти! Ты же не хотел удалять!

– А знаешь, сколько стоило бы лечение? Уже не полштанов, а целые штаны!

– А… дерганье сколько?

– Нисколько! Из уважения к пациенту в галстучке. И в награду за его беспримерное мужество.

– Ты достойный потомок храброго кавалергарда Льва Андроновича Шеметилова-Гальского, – величественно произнесла бабушка. Глаза ее смеялись.

– А ему тоже дергали зубы?

– Не исключено. Хотя прославился он не этим, а подвигами на полях сражений.

Бабушка любила вспоминать своего прадедушку, который, по ее словам, был блестящим офицером, храбрецом и дуэлянтом.

Мы пошли к трамваю. Не спешили. В школу я все равно опоздал, был второй час. Да и опухоль со щеки не сошла еще. Не идти же «первый раз в новый класс» с перекошенной физиономией…

– Ладно, там сегодня, конечно же, не уроки, а всякие линейки-приветствия, – утешил я бабушку и себя.

«Наградные деньги» я просить у бабушки не стал. Она и так вон сколько высадила на такси. Самое обидное, что зря: в частной поликлинике полис никто не спросил.

Наркоз отходил, десна слегка ныла, но это был пустяк. Душа у меня радовалась. Так, наверно, бывает у каждого, кто избавился от больного зуба.

ВТОРОЕ СЕНТЯБРЯ

Второго была суббота. Бабушка напомнила:

– По субботам у вас занятия с двенадцати.

Я сказал, что хоть с какого часа, все равно это свинство. Даже в гимназии с ее раздутой программой была пятидневка.

– Зато здесь не бывает по восемь уроков. Не ворчи… Проводить тебя?

– Я, по-твоему, первоклассник, да?

Мне очень хотелось, чтобы бабушка заспорила и проводила. Но она обрадовалась:

– Вот и прекрасно, люблю самостоятельных мужчин… Найдешь в школе завуча Клавдию Борисовну, она про тебя знает. Отведет в класс и все объяснит.

Мама и отец были на работе – их тоже не баловали пятидневкой.

Мой старый школьный рюкзачок погиб на пожаре. Я сложил книги и тетради в пластиковый пакет с маркой фирмы «Альбатрос».

– Ни пуха ни пера, – значительно сказала бабушка.

Я молча посмотрел на нее: ответ, мол, знаешь сама.

Школа была недалеко, в четырех кварталах. Ее крышу я видел из окна. Путь к школьному крыльцу лежал через широкий двор с кленами и тополями вдоль заборов. Над левым забором поднимались высокие прямые сосны – там был то ли сквер, то ли просто остатки леса. Недавний сильный ветер накидал во двор сухие легкие шишки, они трещали под подошвами. Этими шишками кидали друг в друга веселые пацанята – наверно, второклассники. Побросав у скамеек ранцы, они со смехом носились среди тех, кто постарше. Старшие стояли кучками. Все такие пестрые, не то что в нашей гимназии. Может, вчера, в торжественный

день, они и приходили в пиджаках и галстуках, но сегодня все опять по-летнему.

Я в своей отглаженной форме сразу почувствовал себя идиотом.

Но надо было держаться.

Я потрогал языком «пробоину» между зубов и окликнул одного шишкометателя – растрепанного, тонконогого, в красной майке со слоненком Денди.

– Эй, камрад! Где у вас кабинет завуча?

Он склонил к плечу лохматую голову, прищурил один глаз, а другим – голубым и веселым – глянул с любопытством.

– Тебе которую завуч? Для маленьких или для старших?

– Для таких, как я. Которая Клавдия Борисовна.

– Она не в кабинете, а вон она! – Он вытянул коричневую руку. – Которая в зеленом платье.

Я глубоко вздохнул для храбрости и пошел навстречу новой жизни.

– Подожди! А что такое «камрад»? – голубой глаз мальчишки требовательно смотрел мне вслед.

– Ну, это вроде как «боевой товарищ»…

– А! Тогда годится!

Завуч Клавдия Борисовна выслушала меня и покивала:

– Да, помню. Твоя бабушка приносила документы… – И одной из учительниц, которые оказались рядом: – Дора Петровна, это ваше пополнение, я предупреждала.

– Пойдем, пополнение, – сказала Дора Петровна.

Она мне понравилась больше, чем завуч. Молодая еще, с такой же короткой прической, как у мамы. Когда шли к школьному крыльцу, она спросила:

– С немецким-то как у тебя?

– Нормально, пятерка была за год… Но зачем он тут? Мне сказали, что я в английском классе.

– Видишь ли… с английским не получилось. Он переполнен, там конкурс, а ты опоздал…

Ну вот, начинаются сюрпризы, подумал я.

– Ты не огорчайся. Английским ты можешь заниматься самостоятельно или с репетитором, а потом, если захочешь, сдашь экзамен…

Ну да, этого еще мне не хватало.

В школе затарахтел звонок. Такой же, как в гимназии…

А дальше все как водится:

– Ребята, это ваш новый товарищ Саша Иволгин. Надеюсь, вы подружитесь… Где бы тебе сесть?.. Настя Пшеницына, ты ведь одна? Катя от нас уехала в Новгород… Саша, ты не против, чтобы сидеть с девочкой?

Я пожал плечами. Со своим уставом в чужой монастырь не суются. Потом посмотрим.

– А ты, Настя, не против новичка?

Настя сказала, что пусть. Катя уже не вернется, а мальчики тоже иногда бывают людьми…

Парты в классе были ужасно старинные. А может, просто старые. Я такие раньше только в кино видел: наклонные, с выемками для чернильниц, которые давно уже не в ходу. Покрашены они были зеленым. Я неловко влез на свое место. Пакет с книгами примостил сбоку, на полу. У столов в гимназии были крючки для ранцев и мешков, а тут…

– Положи книги в парту, – шепнула Настя. И откинула на зеленой столешнице крышку. Под крышкой была полка. Вот здесь, значит, как! Пакет я положил, а крышку опускать не стал – так просторнее.

Я украдкой глянул на соседку. У Насти Пшеницыной было круглое и немножко обезьянье лицо. Не очень-то красивое, но, по-моему, славное. Глаза серые, светлые волосы подстрижены в кружок, будто у мальчика-пастушка из фильма про русскую сказку. А в ушах – колечки из позолоченной проволоки.

– Значит, ты – Саша?

– Одиннадцать лет и три месяца, – буркнул я. И стал смотреть под крышку, на свои ноги. Для ног была специальная подставка. Но как их ни пристраивай, штанины все равно ползли вверх. Носки были короткие, голые щиколотки беспомощно торчали из брюк.

Я тихонько завозился, чтобы незаметно стянуть штанины ниже. Настя шепнула опять:

– А тебе нравится твое имя?

– Не знаю. Имя как имя. Обыкновенное.

– А мне мое нравится. Знаешь, почему?

– Не знаю…

– Потому что из него нельзя сделать пренебрежительное. Нину можно назвать Нинкой, Свету – Светкой, ну и так далее. А Настю как? «Настька» – это трудно выговаривается.

– Можно просто «Наська», – не удержался я.

– Не смей! – она дурашливо толкнула сандалеткой мою кроссовку. – Не вздумай называть меня Наськой!

– Слушаюсь, ваше благородие… – Мне стало гораздо свободнее. И я решился: – Вообще-то меня иногда зовут Алька. Ребята… Ну, друзья-приятели…

Она не удивилась. Сказала просто:

– Да? Вот и хорошо.

Я опять повозился и поглядел на ноги. На свои, а потом и на Настины. На черные лаковые сандалетки и тугие белые гольфы. Она была в коротеньком клетчатом платье, а коленки – твердые и блестящие, как бильярдные шарики из слоновой кости… Я вдруг испугался, что она проследит мой взгляд, закашлялся, закрыл парту.

Настя опять шепнула:

– А мне одиннадцать будет только в октябре. Пятнадцатого.

– Значит, ты еще маленькая.

– Подразнись, подразнись…

Дора Петровна громко сообщила:

– Беседовать перестали. Вздохнули, сосредоточились… – Класс старательно завздыхал. – Достали тетрадки по русскому языку. Не будем отступать от традиций: сейчас короткое сочиненьице о каком-нибудь интересном случае из летней жизни…

– У-у-у!!

– Понимаю. «У» – тоже традиция. Каждый год…

– Времени же мало!

– Я сказала: сочиненьице. На страничку, не больше. Как заметка в стенгазету…

Я это дело предвидел. Так и в гимназии бывало. Только придешь – и сразу: «Пишем! Тема «Как я провел лето»!»

Поэтому я прихватил листок с прошлогодним сочинением. Про то, как однажды вечером я и Вовка – мальчик с соседнего садового участка – увидели над лесом НЛО. Большой светящийся шар. И Вовкин пес увидел. И завыл – то ли от ужаса, то ли от восторга. А потом он долго ходил за нами и тыкался в нас холодным носом. Кажется, спрашивал: что же это такое было? А мы сами не знали. Ведь природа НЛО до сих пор неизвестна… С той поры пес каждый вечер садился у калитки и смотрел в сторону леса. Наверно, ждал, не появится ли светящийся шар снова. Может быть, в собаке проснулась тоска по космосу. Ведь имя у пса было как у самой удаленной от Земли планеты – Плутон.

Сейчас я скатаю свое гениальное творение в новую тетрадь – и никаких проблем. А у Пшеницыной, видать, были проблемы. Она сморщилась, как обманутая мартышка.

– Я ничего-ничегошеньки интересного не могу вспомнить.

– Придумай что-нибудь.

– Я бестолковая.

Ах, как приятно быть рыцарем-спасителем. Я положил листок ей на колени.

– Скатывай. Только меняй мужской род на женский. Не «я увидел», а «я увидела» и тэ дэ.

– Ой, Алька… Вот спасибо-то.

– На здоровье. Ты же сама сказала, что среди мальчишек встречаются люди.

– Конечно…

На рассохшейся парте у крышки была щель. Широкая, в палец. Настя прямо через нее и прочитала мое сочинение.

– Ух ты, пятерка… Только тут написано: «Я жил в садовом домике». А у нас ведь нет сада за городом.

– Кто тебя будет проверять? Ну, скажешь: гостила у знакомых…

– А ты как? Ты ведь это для себя…

– Подумаешь! – И я с ходу написал название: «Старик-огневик»…

«Летом я жил в лагере «Богатырская застава». Наш отряд однажды отправился в поход. У Птичьего озера мы остановились на ночной привал. Поужинали кашей и печеной картошкой и легли спать. Я лег у костра, потому что в палатке было жарко. Лежу и вижу: из огня выбрался старичок. Ростом он был с полено, а борода у него была очень длинная, и в ней горели искры. Он стал что-то говорить, но без звука. Я смотрел на него и старался расслышать. А он сердился и мотал бородой. Вдруг мне сильно обожгло ногу. Это конец огненной бороды зацепил ее. Я вскочил и заплясал как сумасшедший. Старик пропал. Когда я рассказал про него, ребята смеялись. Ногу смазали и забинтовали. А инструктор Володя объяснил: «Ты уснул близко от огня».

Получилась как раз страница. Наверно, хватит. Но я еще дописал на обороте:

«Тлеющую траву залили из ведра. Но мне еще долго чудилась в траве борода старика-огневика, в которой мерцали горящие точки».

Уф… Я откинулся к спинке скамьи. Настя тоже поставила последнюю точку. Смотрела и улыбалась.

– Готово?

– Списывать – не сочинять. Возьми листок… – И опять слегка задурачилась: – Данке шен.

– Биттэ шен, фройлен.

– Не отвлекайтесь, господа, – сказала в пространство Дора Петровна.

Мы притихли.

Настины гольфы были, наверно, слишком тугие. Я заметил, что она их приспустила и тихонько трет рубчатые следы от резинок. Она почуяла, что я смотрю, перехватила взгляд. Я, кажется, заполыхал ушами, но прятать глаза было поздно. Настя виновато сказала:

– Я теперь поняла, что «резинка» от слова «резать»…

Чтобы не сгореть, я притворился равнодушно-деловитым:

– Скрути вниз – и не будет резать.

– Ага… – Она чуть не с головой спряталась под партой и скатала гольфы на сандалетки белыми баранками. И глянула на меня, не разгибаясь:

– А откуда у тебя на ноге такой… кленовый листик?

– Здесь написано, – я толкнул ей свою тетрадку.

Она прочитала. Глянула опять вниз и на меня.

– Очень больно было?

– Сперва да… Но не так уж… – И соврал бессовестно: – Когда зуб дерут, хуже. Видишь? – И оттянул губу.

– Ой, какая дыра! Ты поэтому и не пришел вчера?

– Естественно. Щека была – во! Как дыня… – Я понял, что пора тормозить вранье, опять заегозил на скамейке.

– А почему ты все время вертишься? – спросила Настя (с насмешкой или без?). – Будто и сейчас болит что-то.

Я сказал нахально:

– Штаны пытаюсь нарастить. Они прошлогодние, ноги вон как торчат.

Она так же деловито, как я, посоветовала:

– Чиркни у колен – и будут бермуды. Вон как у Игоря Тулеева, – она показала вперед. – Или вон, у Вальдштейна…

Игоря Тулеева на передней парте я не разглядел. А Вальдштейн сидел неподалеку, на соседнем ряду. Тощий, с редкими и почти белыми волосами, большеухий. Выставил в проход незагорелую, в царапинах, как от кошки, ногу, грудью лег на парту и быстро-быстро писал в тетради. И при этом водил по губам языком. На губах лопались крошечные пузырьки.

Иногда Вальдштейн быстро оглядывал класс из-под упавших на лоб прядок. Встретился глазами и со мной. Глаза были рыжие. Вальдштейн усмехнулся без всякого дружелюбия. «Неприятный тип», – решил я, а Насте сердито разъяснил:

– Бермуды хороши для Бермудских островов, там климат тропический. А здесь, когда придут холода, я в них куда денусь? Головой в Бермудский треугольник? Других-то штанов у меня нет, мы же погорельцы.

– Кто?

– Дом сгорел! Недавно. Со всем имуществом. Сожгли…

Она трубочкой вытянула губы. Тихонько свистнула.

– Пшеницына! Тебе не стыдно?

Настя прижала к щекам ладони.

– Ой, Дора Петровна, я нечаянно! Честное слово. Это у меня так выдохнулось.

– Если выдохнулось, значит, ты закончила писать? Дай тетрадь.

Я взял свою и Настину тетради, отнес к учительскому столу. Дора Петровна тут же нацелила в них авторучку.

– Та-ак… Прекрасно… Молодец, Саша Иволгин. Очень образно и без ошибок… А Настя… тоже хорошо… Но слово «удаленная» пишется через два эн, пора бы запомнить. Четверочка…

И раздался звонок. Почти со всех парт пошло: «У-у, мы не успели!»

– Кто не успел, допишет дома и принесет в понедельник.

Это мне понравилось. В гимназии наша Лизавета Марковна шиш бы пошла на уступки: «Ничем не могу помочь, вам следовало уложиться в урочное время…»

В коридоре я сказал Насте:

– Все же следует обозвать тебя Наськой.

– Это почему?

– За ротозейство. Не могла списать без ошибки!

– У тебя так и было написано: с одним эн!

– Не сочиняй. Тогда бы не было пятерки. Я всегда пишу без ошибок.

– Ой-ой-ой! Хвалиться – не молиться…

– Я не хвалюсь. Это у меня от природы. Зато по математике – полные тормоза…

– А для меня четверка по русскому – это счастье, – выдохнула Пшеницына. – Пошли во двор, а?

На дворе опять стоял веселый гвалт и мелькали в воздухе шишки-снаряды. Слышались крики:

–Эй, камрады, не отступать! Обходи их с тыла!

Не двор, а «горящая точка».

Разглядел я и старого знакомого – с Денди на майке. Майка выбилась из шортиков и моталась, как боевое знамя.

Сквозь эту свистопляску шагал коренастый дядька в синем спортивном костюме. Видимо, учитель физкультуры. За ним укрывались несколько хитрецов с шишками в руках. Мой «камрад», изогнувшись, пустил свою шишку в одного из них. Ой!.. Легкая шишка взлетела в потоке воздуха и угодила физкультурнику точно в лоб.

Мальчишка обомлел. Потом качнулся, чтобы удрать.

– Стоять! – басом приказал учитель.

Он держался за лоб. Потом подошел к виноватому. У того голова ниже плеч. Сдвинул коленки и мотал на кулак оранжевый трикотажный подол.

– Ну, что теперь с тобой делать?

Тот глянул снизу вверх одним глазом. Шепотом угадал:

– Привести родителей, да?

–Гм…

Учитель показался мне похожим на врача Игоря Васильевича. Я взял Настю за руку, раздвинул зрителей, и мы встали за спиной несчастного «камрада».

– Простите его, пожалуйста, – сказал я. – Здесь виновата неоднородная плотность атмосферы. Он не хотел.

– Да. Я не хотел, – с сокрушенным вздохом подтвердил бедняга.

– Он больше не будет, – в тон мне пообещала Настя.

– Да. Я больше не буду, – мальчишка глянул уже двумя глазами.

– Ничего себе! Вкатить человеку в лоб такую дулю, а потом «не буду».

Продолжая мотать майку, «камрад» насупленно сообщил:

– Это вовсе не тяжелая дуля. Мне два раза в лоб попало, и ничего…

– Милый мой! Не сравнивай высокоученый лоб педагога со лбом необразованного второклассника.

– Нет. Я образованный, – тихо, но решительно заявил наш подзащитный.

– Андрей Андреевич, он образованный, – на полном серьезе подтвердила Настя.

– Да? Ну, тогда ступай. Но смотри…

«Камрад» облегченно ускакал. Физкультурник подмигнул нам.

Неподалеку перекидывались мячиком мальчишки из нашего класса.

– Иди к ним, – понимающе сказала Настя.

И я пошел. И меня приняли в круг как своего.

РЭКЕТИР

По причине субботы расписание было облегченное. После русского – история, а потом два урока физкультуры.

Я угадал – учителем был Андрей Андреевич, перед которым мы с Настей заступились за второклассника. Он сказал, что заниматься будем на спортплощадке.

Площадка оказалась позади школьного двора, за забором, там, где сосны. За ней зеленел сквер – березы и клены. Хотя не только зеленел: в кленах было много желтизны. Но погода стояла – как в июле.

К забору были привинчены крючки-вешалки, словно в гардеробе. Удобно. Почти все мальчишки прихватили с собою сумки и рюкзаки, чтобы не возвращаться потом в школу. Переодеться можно было и здесь. А кто одет был полегче, вообще не стал переодеваться. Но мне, конечно, пришлось вылезти из своей тесной отглаженной формы.

А девчонки застряли в школьной раздевалке – у них с переодеванием всегда много возни. Пока девчонок не было, мы играли волейбольным мячом в «вышибалу». Вальдштейн почему-то все время метил в меня, хотя в глаза при этом не смотрел. Ну, черт с ним.

Наконец пришли девочки. Настя была в белых шортах и белой майке, и я подумал, что теперь она похожа на мальчишку (если бы не золоченые колечки в ушах). И еще подумал, что в девчоночьем наряде она все-таки симпатичнее. Потом я испугался, что она заметит мое разглядывание и мои мысли. Упал в траву и стал отжиматься для разминки.

Андрей Андреевич объявил: сейчас будет кросс. На километр. Два круга по аллее, которая опоясывала площадку и сквер.

Сперва я старался бежать недалеко от Насти, но потом испугался: решат еще, что я все время льну к ней. Начал набирать скорость. В лагерной спартакиаде у меня было четвертое место по бегу, и тут я скоро оказался среди тех, кто впереди.

Первым бежал Игорь Тулеев в своих широких бермудах с бахромой у колен. С виду неуклюжий, полноватый, а вон как припустил! Следом за ним – его дружок,

маленький Ренат Латыпов. Они так старались, что на бегу бросили в траву свои безрукавки, сделанные из школьных курточек.

Я, наверное, мог бы их обойти, но высовываться не стал, прибежал третьим.

После этого Андрей Андреевич сказал, что в награду за блестящие спортивные результаты отпускает всех нас домой раньше срока. Девчонки, радостно визжа, кинулись в школу, в раздевалку. Мальчишки тоже разбежались в одну минуту. На крючках не осталось никакого имущества. Даже моего!

Я обалдело стоял перед пустым забором. Потом заоглядывался. Ну, слава Богу! Мой костюм и пакет с книгами висели на сосне. Метрах в трех от земли, на сухом сучке прямого ствола.

Шуточка! Ну да ладно, может, и не злая. Просто слегка подзаводят новичка.

Я небрежно плюнул через плечо, обхватил ствол руками-ногами, забрался по нему немного вверх и дернул повисшие штанины. Сучок обломился, имущество свалилось мне на голову. А я – на колючие шишки. Ой…

Покряхтев, я поднялся. Влезать снова в тесный жаркий костюм не хотелось страшно. На мне были баскетбольные трусы с лампасами и майка с надписью «Lada». Сойдет для прогулки до дома. Я аккуратно уложил в пакет белую рубашку и галстук, свернул в муфту брюки и пиджак, затолкал туда же. Пакет раздулся и заскрипел, я шепотом обругал его (пострадавшие от шишек места болели). Разогнулся и увидел Вальдштейна.

Тот стоял в двух шагах.

По виду никак не скажешь, что пацан из шестого. Скорее, очень длинный третьеклассник. Был он тощий и суставчатый, с тонкой шеей. Просторные короткие штаны из камуфляжной ткани свалились бы с него, если бы не тугой ремешок. И клетчатая рубашка обвисла, как на палке. Но смотрел он своими рыжими глазами не как младший, а прицельно и дерзко.

К его поцарапанным ногам прилипли чешуйки сосновой коры. Я посмотрел на них, на сосну. Пнул пакет кроссовкой и спросил:

– Твоя работа?

Без обиды спросил. Понимаю, мол, шутка. Ссориться не хотелось, хотя Вальдштейн мне явно не нравился.

Он облизнул губы и откликнулся охотно:

– Моя. Скажи спасибо, что твои шмотки не унесли совсем. В залог.

– В какой залог?

– Потому что ты их повесил на чужой крючок.

– Я не знал, что крючки тут персональные.

– Потому и помиловали, что не знал. А за вешалку надо платить. На первый раз с тебя полбакса. В рублях, по нынешнему курсу.

Я быстро прикинул: полдоллара – это не так уж много. В пересчете это сейчас чуть больше, чем два трамвайных билета… Но с какой стати? Я сказал:

– Мальчик, ты ушиб головку, когда лазил на сосну, да?

Вальдштейн в ответ сощурился. Сунул в широкие карманы кулаки. Подошел ближе. Опять облизал губы.

– Завтра не принесешь полбакса, послезавтра потребуют целый. Потом два. По счетчику. А через неделю сдерут шкуру.

– Надуй пузо, – посоветовал я. – А то штаны свалятся.

Он проговорил негромко, но увесисто:

– Сам-то не надувайся. Ты, наверно, думаешь: стоит тут такой нахал и берет меня на понт. А знаешь, кто с тобой будет говорить, если не заплатишь? – И печально так наклонил голову к плечу.

Я не знал. Но догадывался. Наслышан был про школьное рэкетирство. Даже в гимназии с меня пытались деньги выбить. Но там хоть процентов не требовали! Да и не разгуляешься с этим делом в гимназии-то. В ней каждый день дежурили два милиционера. А здесь…

Дело известное. Компания посылает вперед такого вот нахального шкета, а когда тот получает отпор, подваливают старшие: «Зачем обижаешь маленького?»

Видать, сомнения и страхи написались на моем лице. Вальдштейн довольно хмыкнул:

– Вот так. И не думай кому-нибудь вякать про это.

Что же такое делается? Мало мне было, что ли, «радостей» от Лыкунчика и его подручных? Здесь, значит, все по новой? С первого дня!

А может, врет эта глиста в камуфляже? Пудрит мозги новичку? Нет, не посмел бы… Но мне-то что делать? Завтра такая беспросветность начнется!

Я ощутил, что проваливаюсь в отчаяние, как в яму. И… будто кто-то завладел моей рукой. Стремительно отвел ее назад, бросил вперед. И ладонь моя вляпала Вальдштейну трескучую оплеуху.

Вальдштейн полетел с ног. Почему-то не назад, а вперед, мимо меня, к сосне. И лицом – о подножие ствола. Полежал секунды три и рывком сел. Из ноздри у него ползла красная гусеница. Он пальцем размазал ее по щеке. Меня чуть не стошнило. Но я сказал чужим голосом:

– Хочешь еще?

… – Стоп! – Неизвестно откуда возник Андрей Андреевич. – Что тут у вас? – На круглом лице его выступили твердые скулы.

Мы молчали.

– Я вас спрашиваю! Иволгин и Вальдштейн!

– Пусть он скажет, – я подбородком показал на Вальдштейна.

Тот, хныча, поднялся. Всхлипнул:

– Псих…

– Иволгин, почему ты его ударил?

– Пусть он объясняет… Вы знаете, с чем он ко мне пристал?

– Пошутить нельзя, да? – Вальдштейн поддернул на плече ремень сумки и пошел прочь.

– Шуточки… – выдохнул я.

– Постой! – велел Вальдштейну Андрей Андреевич. Но тот, шмыгая носом, нырнул в гущу кленовой поросли.

– Иволгин, дашь объяснение здесь? Или пойдем в учительскую?

– Никуда я не пойду! Хоть волоком тащите! – Дрожь у меня не проходила, но и злости прибавилось. И от всего этого я откровенно хамил.

Физкультурник проговорил уже другим тоном:

– Днем ты показался мне более благородной личностью.

– Значит, первое впечатление обманчиво!

– Значит, обманчиво…

– Вы же не знаете, что он мне тут… наговорил…

– Но он только говорил. А ты – в кулаки! А весовые категории у вас явно разные.

– А я не взвешивался, когда он… Пускай не лезет! Рэкетир сопливый…

– Что? Вальдштейн – рэкетир? Силы небесные… Ладно, ступай. Но имей в виду, я не намерен скрывать этот инцидент от педагогической общественности…

– Ну и не скрывайте.

По дороге к дому я успокоился. День был такой солнечный, ласковый. И я подумал, что Вальдштейн, скорее всего, просто брал меня на пушку. Недаром же физкультурник засмеялся. И вряд ли станет Андрей Андреевич ябедничать завучу и классной про драку. Все-таки он мужчина…

Ну, а если и правда найдутся у Вальдштейна дружки и заступники… И если возьмет меня в оборот «педагогическая общественность»… Что же, значит, опять злая судьба. Придется воевать. Сейчас я почему-то не боялся. Может, потому, что сегодня впервые в жизни не струсил до конца и дал отпор этому нахалу.

Нет, героем я себя ни капельки не чувствовал. Велика ли заслуга огреть по уху такого хлюпика! Я не его победил, а себя. Впервые в жизни я не отступил, не начал боязливо раздумывать. Может, в глубине души помнились слова:

Так трусами нас делает раздумье…

Бабушка слегка удивилась моему спортивному виду, но сказала не про это:

– Завтра папа поедет в сад, съезди с ним, забери все, что там осталось. И поищи жестяной гребешок. Тот, что я давала тебе в лагерь. Куда ты его девал?

– Знаю куда… А тебе зачем? Колдовать будешь?

– Сейчас получишь по косматому загривку.

– Ба-а, я есть хочу.

– В школе-то как дела?

– Нормально, – соврал я.

Потому что, может быть, и правда потом все будет нормально? В конце концов, в школу еще не завтра. Как говорится, доживем до понедельника.

ИЗГНАНИЕ

«Жигуленка» у нас давно уже не было. В сад мы поехали на чужой «Волге», с человеком, который собирался купить наш участок. Это был худой, очень высокий дядька. Мне почему-то казалось, что таким станет Вальдштейн, когда вырастет.

Было по-прежнему тепло, ветер влетал в открытое окно машины и дергал меня за волосы. Отец сидел впереди и разговаривал с худым дядькой про президентские выборы. Нашли тему…

Я скинул кроссовки, забрался на заднее сиденье с ногами и вспоминал вчерашнее. Но главным образом не плохое, а Настю Пшеницыну.

В саду я сразу пошел к пугалу Данилычу. Тот по-прежнему караулил грядки, хотя урожай был убран.

– Извините, сударь, но безрукавку я заберу. У меня самого в гардеробе негусто…

Во внутреннем кармане безрукавки я нащупал плоский гребешок.

Волосы у меня густые, пластмассовые расчески то и дело ломаются. Когда я поехал в лагерь, бабушка дала мне старинный железный гребешок, свой любимый. Пластмассовые ей не нравились, потому что волосы от них сильно искрили. «Это притягивает нечистую силу…» Бабушка была очень образованная,

но и очень суеверная. От моих родителей она суеверия пыталась скрыть, а от меня – нет.

– Как же ты сама-то без гребешка будешь, пока я в лагере?

– Обойдусь как-нибудь.

– А Квася?

– Квасилий сейчас в отпуске.

Бабушка была уверена, что у нас в доме живет мелкое добродушное существо по имени Квасилий. Что-то вроде помеси гнома и пушистого кота. Иногда оно безобразничало, но не сильно. То пережжет лампочку в коридоре, то сквасит молоко в холодильнике (отсюда и такое имя). Иногда, по словам бабушки, Квася ночью забирался к ней на кровать и просил расчесать железным гребешком свалявшуюся шерсть.

Я, когда был маленький, верил в Квасю всей душой. Потом перестал, конечно. Но бабушка продолжала утверждать, что Квася есть. Или, по крайней мере, был, пока мы жили в старом доме. Где-то он теперь…

Безрукавка сильно выгорела, стала белесая, словно в нее втерли алюминиевую пыль. Ну и хорошо, так и надо…

Потом я отыскал в домике свой рюкзак с забытым лагерным имуществом. Вытряхнул из него спущенный волейбольный мяч, спортивные носки с вытканными на них ракетками, испорченный фонарик, фляжку, бейсболку с надписью «SHARP». И пострадавшие от огня джинсы.

Володя тогда, у костра, сказал про хирургию. Однако ножницы – это было бы слишком просто. В груде хлама на краю участка я нашел дырявое ведро. Затолкал в него штаны. Сплющил ведро ударами полена и топора. Так сплющил, чтобы наружу торчали обгорелая и целая штанины – насколько нужно (вернее, насколько не нужно).

На соседнем участке, у Вовки Лопатина, жгли мусор. Вовка там кочегарил. Я перелез к нему через изгородь и сунул джинсовые «языки» в огонь. Вовка сразу понял, что к чему.

– Ух ты, клево придумал…

Кромки получились обугленные и разлохмаченные, будто я выбрался из горящих джунглей.

Когда вернулись домой, я пришил к безрукавке желтые костяные пуговицы – отыскал их у бабушки. Потом выбрал для этого костюма просторную лиловую рубашку.

В понедельник бабушка чуть не упала.

– Ты так собираешься идти в школу?

Белые теннисные носки гармошками спускались на кроссовки. Колени щекотала обгорелая оторочка. Рубашку я надел навыпуск. Поверх нее лоснилась безрукавка, на которой дерзко, будто медали, светились желтые пуговицы, пришитые вкривь и вкось. Бейсболку я сбил козырьком назад. А книги и тетради я затолкал в свой сизый рюкзачок – он был небольшой, сойдет за школьный.

– Круто, да? «Бой оф Калифорниа»…

– По-моему, ты сошел с ума.

– Да тут многие так ходят. Здесь же не гимназия!

– Дело твое. Но имей в виду, тебя выгонят, – решительно предупредила бабушка.

Она оказалась права. Меня выгнали. Но вовсе не за костюм.

Сначала-то все шло хорошо.

На полпути к школе я издалека заметил Настю. Узнал по клетчатому платью, пастушковой стрижке и золотым искоркам под ушами. Только вместо гольфов были красные носочки. Я пружинисто и бесшумно догнал ее. Пошел сбоку в трех шагах. Она глянула рассеянно и отвернулась. Я сказал «учительским» голосом:

– Пшеницына! Ты почему не здороваешься со старшими?

– Ой!.. Я тебя не узнала, думала, кто-то незнакомый… А почему это ты старший?

– Мы же вчера выяснили. Я родился раньше на четыре с половиной месяца.

Она засмеялась:

– Да, правда… А все равно мальчики должны здороваться первыми.

– В самом деле? Тогда гутен таг, сударыня.

Настя пробежалась по мне веселыми глазами.

– Ты сегодня совершенно… не такой.

– Я раскопал эти лохмотья на пожарище… Но я только снаружи не такой, – резвился я все пуще. – А внутри я прежний: благородный и очень воспитанный. Давайте вашу сумку, фройлен, она тяжелая.

– Не тяжелая. Помоги лучше Доре Петровне, вон она книги несет.

Дора Петровна шла по другой стороне Троицкого переулка и поглядывала на нас. В руке у нее была авоська с пачкой книг. Мы перебежали через пыльный асфальт и заросшую канаву.

– Здрасьте!.. Дора Петровна, Алька хочет вам помочь. Он – рыцарь.

Я взял увесистую авоську.

– Да, я рыцарь. В блестящих, как самовар, латах и с петушиными перьями на шлеме. Разве не видно?

– Ну… если чуть-чуть напрячь воображение… А ты, Настя, выходит, прекрасная дама?

– Со шлейфом… – Она пальчиками взяла коротенький подол и присела в придворном поклоне.

– Дюжина пажей в бархатных беретах волокут шлейф за дамой, чтобы он не нацеплял репьев, – сообщил я. – А бродячий щенок пытается ухватить его зубами. Он не знает этикета…

– Великолепная картина! Прямо Вальтер Скотт… Но у меня, когда я смотрела на вас, появилось другое сравнение. Знаете, на кого вы похожи?

– На Тома Сойера и Бекки Тэчер, – догадливо сказала Настя.

– М-м… возможно. Но я подумала про Герду и Кея из «Снежной королевы».

– Это значит, мне придется сидеть в ледяном дворце? – Я по-настоящему передернул плечами. – С ума сойти!

– Я же тебя спасу! – храбро пообещала Настя.

– Но до этого я схвачу кучу всяких ОРЗ!

– Я быстро спасу…

– Тогда ладно… – Я шел, изгибаясь от тяжести книжного груза. Авоська царапала мне ногу кусачими узелками. – Дора Петровна, это у вас пособия по литературе?

– По литературе, по русскому языку. И даже по немецкому… Саша, ты очень жалеешь, что попал в наш немецкий класс?

– Теперь уже ничуть, – сказал я честно.

Потому что думал о Насте. Правда, и о Вальдштейне я думал, причем все время, но эти мысли были на втором плане. Опасение скребло мне душу, но не сильно.

Вальдштейн, конечно, тоже не забыл вчерашнее. На первом уроке он то и дело поглядывал на меня. Быстро и словно из-за кустов. И так сумрачно, что Настя сказала:

– Почему это Вячик глядит на тебя, как кобра?

– Кто глядит?

–Вальдштейн. Вячик…

– Что за имя!

– Вячеслав.

– Вячеслав – это Славка.

– У кого как. Он – Вячик. Вячик-калачик, так его в первом классе дразнили. Да и потом…

Бедный Вячик, бедный Вячик,

Почему не ешь калачик?

Тише, Вяченька, не плачь,

Дам тебе большой калач…

Я поморщился – повеяло чем-то знакомым. Но я сказал хмуро:

– Глиста он негодная, а не калачик.

– А что случилось-то?

Я не удержался и шепотом рассказал. И добавил:

– Тоже мне, мафиози недорезанный…

– Дурачок он, а не мафиози, – грустно отозвалась Настя. – Никаких дружков у него нет. Ни уголовных, ни вообще… Просто хотел новичку свою силу показать, потому что в классе самый затюканный. Мальчишки раньше знаешь как его доводили…

«Знаю», – чуть не сказал я. И сделалось гадко на душе.

– …Пока Дора Петровна их совесть не расшевелила. Она это умеет…

– Я не хотел ему нос разбивать. Он сам им о сосну треснулся. Я просто его по уху стукнул. Если честно говорить, то с перепугу…

– Ну, ничего. Может, дома не заметили, что нос распухший…

– А если заметили?

– Тогда хуже. Его в такой строгости держат. Как двойка или запись в дневнике, он боится домой идти… Да ты не переживай. Он же сам виноват.

«Я и не переживаю», – сказал я себе. И стал смотреть в другую от Вячика Вальдштейна сторону. В открытое окно. Там были тонкие сосны и безоблачное небо. И летнее тепло. Только тепло это сегодня пахло горьковатым дымом: за городом от сухости и жара начал гореть торф. От такого запаха слегка першило в горле.

Но все-таки я чувствовал радость. Нет, значит, за спиной Вальдштейна зловещих рэкетиров. И все будет хорошо.

Но дальше не было ничего хорошего.

На второй урок, на литературу, вместе с Дорой Петровной пришла завуч Клавдия Борисовна.

– Садитесь. Только без шума… А новичок пусть встанет снова… Где ты, Ивулгин?

«Ну, началось», – понял я с упавшим сердцем. Но встал спокойно.

– Вот я. Только не Ивулгин, а Иволгин.

– Хорошо. Не вижу разницы.

– А я вижу. Моя фамилия от слова «иволга». Есть такая лесная птица.

И завуч почуяла, что я готов к бою.

– Я уже поняла, что ты за птица… Скажи, почему ты в субботу, после физкультуры, избил своего одноклассника? Его мама говорит, он пришел домой весь в крови!

«Ага, значит, не физрук накапал, а мама заступилась. Это понятно. Небось, нагородил дома жуткую историю: иду, никого не трогаю, а тут новичок ка-ак налетит!.. Чего не сочинишь, если могут взгреть…»

– Я жду, Ивулгин… Иволгин!

А Дора Петровна молчала. И, по-моему, жалела меня. Видимо, она узнала про все только сейчас.

Настя вдруг сказала с места:

– Клавдия Борисовна, Вячик же сам виноват!

И, конечно, услышала в ответ, что Пшеницыну никто не спрашивает.

– А спрашиваю я… Иволгина. Кто дал ему право разводить здесь дедовщину? У нас не казарма, а школа!

«А в казарме, значит, можно?» – подумал я. И ответил, что вовсе не избивал Вальдштейна.

– Только дал один раз, а он носом о дерево… Вальдштейн, скажи! – Я оглянулся на него.

Вячик сидел так, что видно было только темя с белобрысыми прядками. И уши по сторонам. И показалось, что с лица на парту шмякнулась капля.

– Я пока спрашиваю не Вальдштейна, а тебя. Допустим, «один раз». А за что?

– Пусть он сам объясняет… – Я оглянулся опять.

Ничего Вячик не объяснит, потому что придется тогда признаваться в своей «шутке». И про это узнают дома. И, наверно, достанется ему так же, как весной Лыкунчику.

И я ничего не объясню. Да, я не храбрец, но и не полная же сволочь. Одно дело – рассказать шепотом Насте, другое – нажаловаться учителям. Конечно, наплевать мне на Вальдштейна, который к тому же сам нарвался на неприятности, но все-таки… А кроме того, я же и останусь в дураках: поверил такому безобидному болтуну! Как тут на меня будут смотреть!

А пока вроде бы смотрели с сочувствием. Даже те, чьих имен я еще не знал. И Дора Петровна тоже. Она предложила:

– Клавдия Борисовна, давайте считать, что это была глупая мальчишечья стычка. Пусть извинятся друг перед другом…

– Нет, уважаемая Дора Петровна, – мягко сказала завуч. – Извините, что я с вами не согласилась, но мне кажется, дело серьезное. Вы же видите, как

бесчеловечные нравы проникают в детскую среду… Вы смотрели вчера «Криминальные новости»? Про банду малолетних. На их счету масса грабежей и два убийства! Главарю всего пятнадцать лет, а младшему – вы не поверите – восемь. Ясно, куда мы катимся?

«Ясно. В наручники меня», – подумал я. Нет, не подумал, а, оказывается, выдал вслух.

– В наручники, к сожалению, не получится. А вот за родителями ты отправишься немедленно. Пусть явятся или сегодня, или завтра с утра. До этого – в школу ни ногой!

Ну, это все ясно. И просто.

– Родителей нет дома с утра до вечера. Можно, чтобы бабушка пришла? Это она занимается моим воспитанием.

– Оно и видно.

– Что видно? – напрягся я. Давать бабушку в обиду я не собирался.

– То, что родители… не очень занимаются твоим воспитанием. Впрочем, это ваше семейное дело. Но без старших я тебя на уроки не пущу.

Она думала, я боюсь домашней разборки! Но мы с бабушкой всегда понимали друг друга.

Я выволок из-под парты рюкзак и глазами попрощался с Настей. Клавдия Борисовна сказала мне вслед:

– А еще собирался в английский класс…

Я задержался у порога.

– Вовсе не собирался. Мне здесь хорошо.

Длинноволосый очкастый Олег Птахин (он сидел позади Вальдштейна) вежливо спросил:

– Скажите, пожалуйста, а чем же наш класс хуже английского?

– Я… не говорю, что хуже. Дора Петровна, я не это имела в виду. Дело в том, что этот Иволгин…

Я сказал «до свиданья» и прикрыл за собой дверь.

ЛЮБОВЬ К РОДНОМУ ПЕПЕЛИЩУ

Идти домой не имело смысла. Родители придут после семи. Бабушка говорила, что после обеда собирается в собес насчет прибавки к пенсии. Значит, тоже надолго.

Я решил наконец поехать на то место, где когда-то стоял наш дом. Я и раньше хотел там побывать и однажды сказал это при всех. Отец недовольно отозвался:

– А зачем? Что это, «любовь к родному пепелищу»?

Я понял, что он цитирует Пушкина. И слегка огрызнулся:

– А если и так? Что плохого?

– Ничего. Только зря. Прошлого не вернуть.

А бабушка сказала:

– Успеешь еще. А сейчас давай-ка съездим на рынок.

Я не спорил, но про себя понимал, что все равно там надо побывать. Родина же, хотя и сгоревшая. Прошлого, конечно, не вернуть, но и забыть его нельзя. Даже если захочешь. А я, к тому же, не хотел. Вся жизнь прошла в том доме, в том

квартале.

Сейчас у меня было самое подходящее настроение для такой поездки. Грустное. И я пошел на трамвайную остановку «Стекольная».

Добирался до центра я около часа. Путь был очень длинный. К тому же денег не было, ехал зайцем, и на полдороге меня выставил из вагона дюжий контролер в кожаной куртке. От куртки воняло, как от разогретых сапог. Он дал мне легкого пинка и пообещал в другой раз увести в отделение. Я отбежал. Издалека я сказал этому типу с бритым затылком, что он недобитый боевик и что работать надо, а не обдирать в трамваях старух и пацанов. Потом пошел на автобусную остановку и дальше ехал без приключений.

Вышел из автобуса я в квартале от дома. И вдруг понял, что никак не верю, будто дома уже нет. Ну, как это нет? Я ведь даже запахи его помню! В сенях пахло сухим деревом и влажной бочкой, в которой держали воду (колонка была во дворе). В прихожей – теплыми вязаными половиками и дровами для печки. В комнате бабушки – оконными цветами и землей из кадки с фикусом, а иногда – корвалолом…

Я до мельчайшего движения помнил, как вставляется ключ в скважину наружного замка. Надо вставить чуть-чуть не до конца, потом слегка прижать дверь и поворачивать ключ плавно, чтобы не заело. Этот плоский ключик и сейчас со мной, я брал его в лагерь, и он сохранился в кармане пострадавших джинсов.

Вот сейчас я обойду девятиэтажку с застекленным магазином «Хозтовары» на первом этаже, и…

И впервые в жизни я увидел настоящее пепелище.

Обгорелые бревна и стропила уже все растащили. Чернел бугристый прямоугольник с остатками обугленных половиц. Посреди этой пустой черноты стояла наша обитая жестью круглая печь. Раньше жесть была серебристая, а сейчас закопченная. И кто-то снял уже чугунную, с литым узором и рычагом дверцу.

Опоясывали площадку остатки низкого кирпичного фундамента.

У меня защекотало в горле. К тому же запах торфяного дыма ощущался и здесь. А может, это был запах пожарища?

У дальнего края фундамента ходили двое мужчин в полувоенной одежде. Один – грузный и лысый, другой – обыкновенный, в соломенной шляпе, которая не вязалась с камуфляжем.

«Стервятники», – скрипнул я зубами. Потом, не глядя на этих мужиков, перешагнул кирпичную бровку. Стал ходить по обугленным щепкам и мусору. Смотрел под ноги. Может, что-нибудь найду? Хотя едва ли. Все здесь уже вычистили.

Дядьки сперва не обращали на меня внимания. Затем тот, что в шляпе, сказал:

– Мальчик, зачем здесь ходишь? Иди играй. Здесь нехорошо.

Он говорил с кавказским акцентом, хотя лицо было вовсе не восточное, курносое и круглое. Может, мне акцент его просто показался. Нынче принято валить на кавказцев все беды, хотя большинство из них, конечно, ни при чем.

Сперва я не отозвался.

– Мальчик, я тебе говорю. Гуляй в другом месте, здесь не надо.

– Сами гуляйте в другом… Это мой дом… был, – сипло сказал я. – А не ваш. Сожгли да еще распоряжаются.

– Ай, мальчик, зачем так говоришь! Сгорел дом, большое несчастье, да. Но разве это мы? Наше дело не жечь, а строить…

– Ну и стройте, я вам не мешаю.

– Ты не нам плохо делаешь, а себе. Смотри, все ноги испачкал.

Это правда. И кроссовки, и белые носки, и ноги выше носков были в саже и пепле.

– Вам-то что…

– Ну, как хочешь… – Дядька в шляпе отошел, а другой, грузный, стал что-то говорить ему, недовольно так.

Я побродил еще, уже просто из упрямства, и шагнул через фундамент обратно.

– Мальчик, подожди, пожалуйста!

Который в шляпе, опять шел ко мне. Протягивал раскрытую ладонь:

– Вот, нашли недавно. Это не твой?

На ладони лежал складной ножик с коричневой пластмассовой рукояткой. Со множеством блестящих предметов – лезвия, ножницы, штопор и так далее. Сверкал он как новенький и, конечно же, никогда не валялся в здешней гари. Зачем это? Откупиться хотят, что ли? Совесть шевельнулась?

– Не надо мне ваших подарков… – И я поскорее пошел прочь, чтобы не зареветь.

И вдруг откуда-то со стороны, звонко так:

– Саша!

С гаража прыгнул и помчался ко мне мальчик. Я узнал его издалека по летучим светлым волосам и по одежде, будто сшитой из лиловой шторы с желтыми полумесяцами, солнышками и разноцветными звездами. Он в этом пестром наряде махал мне с балкона, когда я уезжал в лагерь.

– Ивка!

Ивке было девять лет. Он жил на третьем этаже большущего дома, который возвышался над нашим. Иногда мы играли вместе. Бывало, что я катал его на своем велосипеде. Не то чтобы приятели, но все же сосед, славный такой. И я обрадовался.

Ивка подбежал и потупился. Запереступал в пыльной траве стоптанными сандалиями. Видимо, понял, что несладко мне.

– Пришел… поглядеть, да?

– Да, тянет все-таки…

Он кивнул: понятно, мол.

– Велик жалко, – сказал я. – Теперь не покатаемся…

Он кивнул опять:

– Его весь обуглило и скрутило от огня.

– Ивка… Страшно было, когда горело?

– Еще бы! Даже к нам на балкон искры долетали. Это среди ночи случилось.

– Знаю…

– Мы потом помогали уцелевшие вещи искать. Но почти ничего не спаслось.

– Спасибо, Ивка, – сказал я. Он удивленно поднял серые, с солнечными блестками глаза: мол, за что спасибо-то?

– А ваша бабушка несколько ночей спала у нас. А папа и мама не знаю где.

– У знакомых… Ивка, пойдем к колонке, я ноги вымою.

У колонки Ивка всем телом нажал на тугой рычаг, а я под упругой струей вымыл кроссовки, прополоскал и выжал носки, стал смывать сажу с ног. Она въелась в кожу.

– Саша, давай я за мылом сбегаю!

– Не надо, Ивка, так сойдет. Дома отмою как следует. У нас теперь ванна с горячей водой.

– Значит, вы хорошо устроились?

– Обживаемся… А вы как живете, Ивка? Митя пишет?

Ивка сник.

– Давно уже не пишет. Непонятно, почему. Мама как посмотрит на его скрипку, так плачет. Боится, что… ящик пришлют.

– Какой ящик, Ивка?!

– Ну, какой… – Он смотрел на сандалии. – Цинковый… Или бумажку, что пропал без вести.

– Какая бумажка! Его же в Подмосковье отправили, ты сам говорил.

– Сперва в Подмосковье, а сейчас неизвестно куда…

– Ивка, в горящие точки не отправляют раньше чем через полгода. Это сам министр обещал.

– Министр много чего обещал, – тихо сказал Ивка. Видимо, мамины слова.

– Напишет, Ивка! Просто… сейчас почта такая волокитная, письма еле тащатся.

– Мы все надеемся, – очень серьезно проговорил Ивка.

– Его не должны в опасные места отправлять! Его должны назначить в оркестр, он же музыкальное училище окончил!

– Его – в мотострелки. В оркестр, наверно, тех берут, кто на трубе играет, а Митя на скрипке…

Я решил отойти от грустной темы. Вспомнил тихую большеглазую сестренку Ивки:

– А Соня как поживает? Все рисует балерин и бабочек?

– Рисует… Она о тебе часто говорит. «Вот если бы Саша жил здесь, мы вместе бы ходили в гимназию».

– Разве она уже учится?

– Взяли в первый класс. Ей в октябре будет семь. Шестнадцатого числа.

– Скажи ей, Ивка, что я на день рождения приду. С подарком, – легкомысленно пообещал я.

– Ладно, скажу… А лучше ты сам скажи! Пойдем сейчас к нам! Соня обрадуется.

Я посмотрел на свои неотмытые ноги, на раскисшие кроссовки.

– С такими-то лапами… Ивка, я в другой раз. Мне уже домой пора.

– Ну, давай тогда я на улицу ее позову! На минутку! И принесу еще… одну вещь.

– Что за вещь?

– Ты не уходи, я скоро! – И он помчался к подъезду.

Я сунул в карман выжатые носки, надел кроссовки на босу ногу и пошел следом. Ивка выскочил мне навстречу.

– Соня, оказывается, с мамой ушла к тете Вере. А это… я нашел там… – Он посмотрел на пепелище. – Не сразу, а где-то через неделю, под кирпичами…

Ивка размотал плоский газетный сверток.

Боже мой! Это была любимая бабушкина реликвия, старая акварель. На картинке размером с тетрадь был изображен наш дом. Не среди многоэтажных корпусов, а на фоне густых яблонь и высоких тополей. Такой, каким он был сто лет назад. Бабушка рассказывала, что за несколько лет до ее рождения эту акварель написал для ее мамы (моей прабабушки) местный художник по фамилии Игорев. Он был не очень известный, но талантливый. Может, потом он и стал бы известным, но рано умер от чахотки. В мою прабабушку художник Игорев был тайно влюблен, потому и сделал ей такой подарок.

Бабушка любила вспоминать, как замечательно жилось в доме, когда рядом был большой сад, а не «эти урбанистические монстры».

– Ивка! Бабушка с ума сойдет от счастья! Это ведь память о всей ее жизни!

– Плохо только, что рамка погибла, – вздохнул Ивка.

Да, коричневая, с узорами и завитушками, рамка сгорела наполовину. И плотная желто-серая бумага обуглилась в нижнем углу. Но не сильно. Кое-где на бумаге были пятнышки, словно от брызг. Однако в основном акварель уцелела. Видимо, ее чем-то завалило при пожаре.

– В рамке было стекло, но разбитое, я его выбросил, – опять вздохнул Ивка.

– Стекло сделаем новое! И рамку! Главное – сама картинка… Ивка, помоги положить ее в рюкзак.

Ивка помог. И тихо попросил:

– Ты приезжай еще, ладно?

– Да. Конечно…

– И звонить можешь. Ты помнишь наш номер?

– Помню… Только у нас-то теперь нет телефона.

– Можно ведь с автомата. Иногда…

– Да, конечно. Я буду… Ну, мне пора.

Ивка проводил меня до трамвая.

Трамвай поехал, и я увидел сквозь заднее стекло, как Ивка на краю дороги машет мне вслед. Лицо у Ивки было серьезное – в отличие от смеющихся лун и солнышек на его костюме.

Я тоже помахал Ивке. И показалось, будто я перед Ивкой в чем-то виноват…

АИСТЕНОК

Лифт не работал. Впервые за все время, как мы тут поселились. Мне показалось это скверной приметой. Конечно, я не пенсионер, но изрядно запыхался, пока шагал на нашу верхотуру.

Сердито сопя, я своим ключом открыл дверь. Бабушка встретила меня в прихожей.

– Ну, как дела? Все в порядке?

– Угу… Все нормально.

– Не угукай и не сочиняй. Почему у тебя такой вид?

Я дрыгнул ногами, сбросил влажные кроссовки.

– Пришлось побродить по углям. Сейчас отмоюсь.

– Я не про ноги, а про выражение лица.

– Подымешься пешком на девятый этаж, будет выражение…

– Александр! Не морочь мне голову. Что-то случилось в школе? Рассказывай.

– Расскажу, расскажу. Дай отдышаться.

Я не собирался ничего скрывать. Но все, что случилось, мне будто нагрузили в рюкзак, и с этой вот тяжестью я сейчас и поднялся по лестнице. Со скандалом из-за Вальдштейна, с печальной памятью о пожарище, с Ивкиной тревогой за старшего брата… Даже нашедшаяся акварель теперь не радовала.

Я походил по комнатам. Послушал, как тикают часы. Здесь они вот уже две недели идут исправно. А в старом доме часто останавливались, даже если гири были подтянуты. Бабушка говорила, что это балуется Квася. Толкать маятник, чтобы часы пошли вновь, было бесполезно. Я открывал стеклянную дверцу, вставал на табурет, запускал руку за механизм и там, на задней медной стенке, нажимал головку нижнего винтика. Надо было подержать палец на этой плоской головке, прыгнуть на пол и только тогда качнуть увесистый диск. Тик-так… Теперь будут идти до нового Квасиного хулиганства.

Какую роль играет этот крепежный винтик, я не понимал. Я даже никогда его не видел, знал только на ощупь. И уже не помнил, когда открыл странное свойство часов. Еще в дошкольном возрасте. Никто, кроме меня, не знал, как запустить остановившийся механизм часов, которые были старше моего прапрадедушки Льва Андроновича Шеметилова-Гальского, поручика кавалергардского полка, храбреца и дуэлянта. И я своим умением тихо гордился.

Но здесь это умение было ни к чему. Квася после пожара сгинул, никто не баловался с часами.

Я присел в своей комнате (самой маленькой, девять метров) на раскладушку. Сидел, вспоминал черную площадку на месте дома и пальцем оттирал на колене въевшуюся сажу.

Бабушка возникла на пороге.

– Не тяни душу.

Ну, я не стал больше тянуть. Рассказал про школьное дело.

– С ума сойти… – Бабушка села на табурет. Сняла свои старомодные очки и стала покусывать дужку. Была у нее такая привычка.

– Не надо сходить с ума. Сходи завтра в школу. Там все уладится в пять минут. Ну, не исключат же меня из-за этого дурака… Только не выдавай его, ладно?

Бабушка смотрела на меня, подперев очками подбородок.

– Ну, знаю, – уныло сказал я. – Твой дедушка Лев Андронович, поручик Шеметилов-Гальский, поступил бы иначе. Он вызвал бы обидчика на дуэль. А если бы к нему пристали грубые вымогатели недворянского происхождения, он кликнул бы на помощь верных кавалергардов. В позолоченных кирасах… А мне кого вызывать на дуэль? Вячика? Или Клавдию Борисовну?.. А друзей в кирасах у меня нет. И без кирас нет.

Бабушка молчала. «Вот и плохо, что нет», – говорили ее глаза, не защищенные очками. Но без упрека.

Потом она встала.

– Горе ты мое… Думаешь, мне хочется выслушивать жалобы на внука и педагогические нотации?

– А ты не выслушивай! Ты сразу за меня заступись!

– Ты думаешь, они этого ждут от меня? Ждут покаяния и обещаний, что к тебе будут приняты меры…

Но оказалось, что педагоги ничего не ждали от бабушки. Они позвонили на работу отцу и маме. И родители вдвоем «имели беседу» с Клавдией Борисовной. И та, разумеется, изложила им свой вариант происшедшего: «зверское избиение», «вызывающее поведение»…

А потом, естественно, была беседа родителей со мной.

Мама и папа в своей комнате сидели у шаткого садового стола, и в окна светило оранжевое вечернее солнце. И я стоял в его лучах у порога, босой и все еще неотмытый.

– Ну и облик, – горестно сказала мама и поджала губы.

– Будто по минному полю ходил, – усмехнулся отец.

– Я ходил по тому месту, где стоял наш дом. Вот…

– Вместо того, чтобы сидеть на уроках… – Это опять мама.

– Вы прекрасно знаете, что я не сам ушел, меня выгнали!

– За драку. И за безобразный тон в разговоре с завучем, – покивала мама. – Вырастили мы сыночка…

– Вам разве угодишь? То тихоня и размазня, то драчун и хулиган…

– Драчун ты так себе, – сказал отец, трогая бородку. – Клавдия Борисовна показала нам издалека твоего противника. Это же цыпленок.

– Этот цыпленок грозил, что его дружки мне голову свернут! Если не буду платить валюту!

Мама распахнувшимися глазами глянула на отца. Тот усмехнулся опять. Но уже не так уверенно:

– А ты и поверил…

– А надо было ждать и проверять? В прошлом году, когда какой-то тип явился к вам в «Альбатрос» вымогать проценты, вы почему не проверили? Выкинули беднягу из окна! Четверо на одного!.. Я-то хоть один на один…

– Ну… – Отец забарабанил по столу. – Ты не сравнивай. Такова нынешняя деловая жизнь. Взрослая…

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/krapivin_vladislav/babushkin-vnuk-i-ego-brat-ya

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити